

Провинциальный детектив

Максим Курочкин

Аниськин и снежный человек

«Научная книга»

Курочкин М. И.

Аниськин и снежный человек / М. И. Курочкин — «Научная книга», — (Провинциальный детектив)

Убит дальнобойщик Евгений Пенкин. Версий бесчисленное множество, одна чудней другой. Участковому Косте Аниськину не позавидуешь... Попробуй поймать убийцу, когда в подозреваемых числятся американский гражданин, любвеобильная селянка с бюстом запредельных размеров, а еще не то леший, не то настоящий снежный человек, скрывающийся в глухой чаще...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Максим Курочкин

Аниськин и снежный человек

Глава 1

Завтрак для мальвинки

Косые, беспорядочные лучи утреннего солнца насквозь простреливали старый, поросший зеленым мхом шиферный сеник. Внутри было темно. По старой русской традиции в сенниках не делают окон и не проводят электричества даже в наше, прогрессивное время. Поэтому до сих пор единственным освещением являются недисциплинированные и бесконтрольно проникающие в многочисленные щели солнечные засланцы. Лучи не уподоблялись унылому и инертному электрическому освещению, они на стояли на месте. Широкие, солидные, двигались медленно, поочередно освещая отдельные участки сенника, а более мелкая шантрапа вела себя и более развязано – шныряла по темным, потаенным уголкам, быстро и равнодушно пробегала по пустым стенам, назойливо лезла в широкие ноздри коротко всхрапывающей женщины.

Женщина была далеко не первой молодости и очень не первой красоты. Деревенский здоровый загар и не подумал коснуться ее рыхлого тела, отчего возникало назойливое впечатление, что даму несколько лет хранили в формалине. Но спала она красиво – по-детски самозабвенно, по-девичьи целомудренно и по-мужски открыв рот.

Наконец, тщательный утренний осмотр был закончен, и лучи заскучили. Один из них, самый догадливый, прополз по лбу спящей, поднырнул под высветленную до мочалообразного состояния прядь волос, сгруппировался и пустил сильный заряд света в узкую щель между ресницами. Женщина досадливо отмахнулась от назойливого самозванца и перевернулась на другой бок. Луч обиженно отстал, но его роль взяла на себя короткая одревеневшая былинка. Она с садистской готовностью вонзилась в правую лопатку любительницы сельской экзотики и там два раза провернулась, подобно игле акупунктурщика. Женщина недовольно всхрюкнула. Немного полежала и, сообразив с какой стороны в ее девственный утренний сон вторгся непрошенный дискомфорт, чуть отползла. Но видимо, Сенной Дух который управляет порядком в подобных заведениях, окончательно решил избавиться от непонятливой леди. Сенной применил самое безотказное свое оружие – маленькую, невинную с виду и ужасную по сути своей мышь.

Мышь прошуршала одной ей известным ходом, понюхала голую грязную пятку женщины, замерла на мгновение, деликатно чихнула и засемила по полной, целлюлитной ноге спящей. Она подбиралась к лицу. Мышь садистски-медленно пересекла шею, провела хвостом по подбородку, заглянула в приоткрытый рот. Больше всего она заинтересовалась глазом: мышь прилегла на брюшко и, наклонив голову, попыталась рассмотреть, что это там блестит за ресницами? Может, съедобное?

Спящая лениво приоткрыла один глаз и попыталась сфокусировать зрение на том, что неясным пятном маячило у нее перед глазами.

– Ты, пусик? – с надеждой предположила она.

В этот момент сонная пелена спала с ее глаз. Мышь, сидящая так близко, показалась женщине как минимум слоником с ампутированным хоботом и купированными ушами. Но повела себя дама неадекватно. Она не умерла со страху, не потеряла сознания, не завизжала, подобно напуганной безлунной ночью злобными грабителями автомашине, она просто протянула руку и ловко схватила замешкавшуюся зверушку.

– Будет Мальвинке витаминный завтрак, – удовлетворенно констатировала дама, пеленая бедняжку в сомнительной свежести носовой платок.

Мышь вырывалась, царапалась, тоненько, жалостно пищала, пыталась достать своими остренькими, как иголки кактуса, зубками заскорузлый, грязный палец с обгрызанным ногтем – все напрасно. Судьба ее была предрешена. И самое обидное в этом решении было то, что на завтрак она должна была достаться не кошке и даже не удаву, а мерзкой по характеру французской голубой болонке, прожорливой, вороватой и не брезговавшей никакими деликатесами – от лягушек до лошадиного навоза.

Видимо, догадавшись об этом, мышь последний раз пискнула и затихла.

– Ага, сознание потеряла! – удовлетворенно констатировала женщина.

Она спрятала завернутую наподобие пупсика мышку за пазуху и несколько раз сильно потрянула головой.

– Болит! – скорее уверенно, чем удивленно объявила она, – пусик, принеси кофа. У меня голова болит.

Пусик не отзывался.

– Масик! – в голосе женщины зазвучали нотки четырехлетнего обиженного ребенка, – ну сколько можно? Ты же вчера обещал, что я тебе понравилась! Принеси кофа!

Дама, обиженная невниманием со стороны забывчивого «масика-пусика» огляделась. Нечто, что было гораздо интереснее живой мыши, покоящейся у нее на груди, привлекло ее внимание.

– Куда ты откатился? Мне одной колется и холодно!

Дама действительно поежилась и поползла к спящему в паре метрах от нее мужчине.

Согрей меня своим дыханьем, двумя руками обними, – нежно продекламировала она стихи неизвестного автора.

Вероломный возлюбленный, похоже, не только не собирался варить ей кофе, но и дышать на нее ради сугрева. Его подруга не стала дожидаться, когда тот сообразовит сдать ее в объятиях и накрыла его своим помятым со сна телом. Не сразу она поняла, что мужчина, встретивший утро на сеннике, уже никого и никогда не сможет согреть.

* * *

Обычно с посетителями в местном отделении милиции было негусто. Впрочем, как и с преступлениями. Время от времени привлекали сельские кумушки загулявших мужей, жалобно, но неартистично подвывали и просили посадить супостатов навеки.

Прежней участковый охотно брал постояльцев за бутылку самогона. Нынешний считал непорядочным наживаться на пороках односельчан и пускал супостатов переночевать бесплатно.

Молодой участковый Константин Дмитриевич Комаров привычно вздыхал, гремел ключами и пропускал в камеру предварительного заключения немного побитого и помятого, но все еще гордого гуляку. Если гуляка что-нибудь соображал, то привычно укладывался на жесткие нары, уютно подкладывал под щеку ладошки домиком и мгновенно засыпал. Если не соображал ничего, то, лишенный жизненно важной опоры в виде жены, падал прямо за порогом камеры. Нелогично, но Косте в такие моменты всегда почему-то вспоминался Эдмон Дантес. Что общего он мог иметь с синюшными от ядреного местного самогона но-пасаранцами, Комаров и сам не понимал. Но каждый раз, когда очередной клиент, как подрубленный, падал за порогом камеры, перед глазами Кости возникала картинка: молодой, высокий светловолосый мужчина мешком падает на каменный пол замка Иф.

Впрочем, отделение милиции совхоза имени Но-Пасарана не имело ничего общего с воспетым в романе Дюма мрачным замком. Оно было переделано из бывшей избы-читальни,

имело высокие потолки и веселенькую, совсем не тюремную расцветочку. Палисадник перед бывшей читальней никто не удосужился сравнять с землей, тот же «никто» не потрудился уничтожить и мальвы, росшие в диком тропическом безобразии в этом самом палисаднике. Мальвы-то, в основном, и придавали отделению совсем не устрашающий оттенок.

Неплохо дополнял общую композицию только что подъехавший милицейский УАЗик канареечной расцветки. Авто такого колора почти не сохранились в столичных городах, и лишь в глубинке иногда встречаются ярко-желтые, с ровной синей полосой и белыми буквами автомобиля.

УАЗик привез нестарого, с добрым лицом и таким же добрым пивным брюшком районного начальника в чине капитана. Капитан Ведерко Николай Акимович был выходцем из самостийной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он тоже, как и многие земляки, страдал малоросской фольклорной болезнью – салозависимостью, причем эта зависимость приняла в его организме поистине угрожающие размеры: Ведерко жевал сало практически без передышки. Если в течении получаса доступ к ценному продукту был перекрыт обстоятельствами, у Ведерко начинали сдавать нервы. Правда, никто и никогда не видел Николая Акимовича в состоянии сдавших нервов. Он любил ближних и заботился о их здоровье и жизни. Поэтому всегда и везде с ним был полотняный сверточек с ломтем первосортного розового продукта.

Ведерко быстро огляделся, кивнул, как-то по-особенному, шеей, двум проходившим мимо но-пасаранкам, достал платок размером с простыню и размашисто вытер пот, в изобилии смочивший мясистую шею и лоб.

– Пить есть? – вместо приветствия спросил он Комарова.

– Квас, – протянул Костя полуторалитровую пластиковую бутылку, – Анна Васильевна делала.

Капитан дрожащей рукой схватил бутылку, открутил пробку и, запрокинув голову, поставил горлышко бутылки в рот. С восхищением наблюдал Комаров, как уровень кваса в бутылке ровно и постепенно понижается. Ведерко не сделал ни единого глотка, квас сам, громко, утробно булькая, влился в необъятное нутро капитана.

– Хороший квас, – похвалил начальник, – просто вырви глаз, а не квас. На чем настаиваете? На хмелю или изюме?

– Да откуда мне знать-то? – пожал плечами Костик, – я же сказал, что Анна Васильевна делает.

– А, точно, – звонко шлепнул себя по лбу капитан, – я тогда к ней подъеду. А к тебе – по делу. Беда пришла к нам в дом.

С появлением Ведерко небольшой кабинет Комарова стал совсем маленьким. Горячий, прокаленный воздух, смешанный с ароматом свежескошенной травы, нагрелся еще больше, аромат травы совсем забил запах ядреного пота, чеснока и сапог.

«Почему сапог? – думал Костя, глядя как Ведерко разворачивает тряпочку с лекарством от стресса перед трудным разговором. – Капитан в ботинках, почему же пахнет настоящими кирзовыми солдатскими сапогами?»

Пока он раздумывал над парадоксальностью своих ощущений, Ведерко доел добрый ломоть сала, аккуратно завернул остатки и смахнул со стола кристаллики соли.

– В общем так. Ты слышал, что на таможне опять карантин объявили?

Небольшой таможенный пост, стоящий на границе Казахстана и России, находился совсем недалеко от совхоза имени Но-Пасарана и доставлял местным властям массу беспокойства. Почему-то все нарушители, обходящие пост, любили обходить его именно по подведомственной Комарову территории. Костя недавно приехал в Но-Пасаран, но уже устал бороться с односельчанами. Почти еженедельно в участок вваливались возбужденные плотные таможенники и жаловались Комарову на похищенные шлагбаумы, щедро расставленные на лесных тропах и на приграничные столбики, словно уходящие под землю.

Костя знал о страсти односельчан ко всему полосатому и длинному. Пограничные столбики но-пасаранцы обычно волокли на картофельные делянки – они очень живописно и строго отделяли их делянки от соседских. А шлагбаумы очень кстати приходились в коровниках – но-пасаранкам нравилось ранним свежим утром выпускать своих буренок не дедовским способом – убирая кривой дын, лежащий на двух перекладинах, а цивилизованно – с помощью веревочки отпуская и водворяя на место ровный, свежавыкрашенный под зебру шлагбаум.

Сначала Костя рьяно боролся с пристрастием односельчан к таможенному имуществу, но, потом махнул рукой – у него и своих дел хватало.

О том, что на посту опять скопилась уйма машин со стороны Казахстана, Комаров уже знал. Время от времени хворые казахстанские суслики заболевали чумой, помирали в большом количестве и умудрялись при этом разносить заразу. Транспортный поток, проходивший через пост близ Но-Пасарана, был довольно хилый. Основная трасса с настоящей большой таможней проходила километрах в пятидесяти, вынуждая делать водителей вполне приличное кольцо. Самые пронирливые, счастливые от сознания своего превосходства перед одноклассниками, находили на карте дорог прямой путь – через населенный пункт со странным и интригующим названием – совхоз имени Но-Пасарана, и тут попадали в цепкие лапы но-пасаранских таможенников. Поводов придрататься к странникам было множество. На этой неделе поводом явилось недомогание сусликов. Транспортные средства задерживали, осматривали – кто знает, может коварные автолюбители прихватили пару маленьких носителей жуткой болезни на развод! Или эти носители сами решили попутешествовать экономным автостопом и на какой-нибудь стоянке пробрались в укромное местечко!

Если сусликов в машинах не оказывалось, то это отнюдь не обозначало свободу. Водители и пассажиры тщательно осматривались. Малейшей царапинки было достаточно для того, чтобы заподозрить их в близком отношении с сусликами и задержать на инкубационный период заболевания и для анализа крови. Анализ отправлялся в областной центр, терялся где-нибудь по дороге, протухал на жаре, «запарывался» нерадивыми лаборантами. Делался новый анализ. А тут наступали выходные и лаборатория не работала.

В такие дни в Но-Пасаране было горячо. Огромное количество молодых, здоровых, веселых и голодных во всех отношениях дальнобойщиков захватывало деревню, заставляло трепетать слабые сердечки особ женского пола от четырнадцати до шестидесяти, принуждало наливать горячей кровью собственника те же сердца, но мужской половины совхоза. В общем, было весело, горячо и буйно.

Скопление водителей на посту вызывалось не всегда болезнями казахстанской фауны. Причин было много, они были разные и изощренные. Поэтому процесс приема непрошенных гостей был налажен до совершенства. Размещали их в одном из заброшенных барачков колонии, находившейся тут же. Барак пустовал уже давно. Когда вокруг колонии латали забор, совхозные власти настояли и часть забора провели новым маршрутом, оставив на свободе нежилой корпус. Начальство колонии неделю гудело с начальством совхоза, в результате чего барак был подарен Но-Пасарану, а часть картофельного урожая этого года перекочевала из закров совхоза в закрома колонии.

Кормили подозреваемых в чумоносительстве в местной столовой, организованной в бывших барских конюшнях. Столовая была хорошая. Барин, чьим родовым имением являлась некогда Малиновка, или Но-Пасаран, как переименовали ее гордые потомки барских крепостных, любил комфорт, добротность и лошадей. В длинных конюшнях из красного кирпича расположились, кроме столовой, совхозные гаражи, колбасный цех и пожарка. Кормили в столовой неплохо, как могли. И цены были вполне умеренные, особенно по городским меркам. Жалко, что она работала только по праздникам, вызванным задержанием крупной партии дальнобойщиков, в дни свадеб и поминок.

Над входной дверью ее висела гордая и многозначительная табличка: «Ресторан Геркулес». Неизвестно, чем было навеяно столь оригинальное название. Может, ностальгией по прошлому, когда мерзкий вкус овсяной каши на воде оправдывали ее «пользительностью», а может, сам дух бывших конюшен навеял на авторов названия кафе нечто лошадиное? Можно было бы, конечно, назвать ресторан «Тройкой» или «Подковой», но доморощенные логисты остановились на «Геркулесе».

Но не обилие веселого народа в «Геркулесе» и не продажа спиртных напитков из-под прилавка наслала панику на районного гостя. Паника, которая обуяла Ведерко, была вызвана даже и не рядовым скоплением посторонних и бойких водителей, а более редким для данной местности обстоятельством. Дело в том, что каким-то диким образом на эту дорогу попал целый автобус, напичканный американскими туристами. Эти странные люди, вместо того, чтобы как все рассматривать культурные центры России, решили окунуться в действительность и проехаться по глубинке. Это их и погубило. Будь то какая другая глубинка, более развитая и цивилизованная, может быть, они и проскочили бы. Но таможенный пост близ Но-Пасарана... Через него не мог проскочить и велосипедист, а не то, что автобус, набитый перспективными носителями чумы. А тут еще у одного из туристов на руке оказалась царапина. Наивный техасец на возмутительном русском объяснил, что поцарапала его неведома-зверушка на привале, обозначенным гидом как «Девочки – налево, мальчики – направо». Названия зверушки он не знал. Американец махал руками, корчил рожи, вставал на четвереньки, но растолковать, что за зверь покусился на его суверенитет, так и не смог.

Американцы были обречены. У техасца взяли анализ крови, который и пустили в долгое путешествие в область, медсестре из местного фельдшерско-акушерского пункта поручили провести с подозреваемым курс уколов от бешенства, а весь автобус задержали до выяснения дальнейших обстоятельств.

Что означало появление довольно солидной группы иноземцев в забытом богом Но-Пасаране, объяснять не нужно. Местные власти определили это событие как миниатюрный конец света. Они даже пробовали подкупить таможенников, но денег, выделенных директором совхоза на взятку, не хватило, и парламентареры были с позором изгнаны. Так или иначе, но вся ответственность по обустройству быта непрощенных гостей падала на невинных но-пасаранцев, а следовательно – и на участкового Комарова.

– А это не опасно? – предусмотрительно поинтересовался Комаров.

– В смысле? – честно признался Ведерко.

– Не грозит ли задержание целого автобуса с иностранцами международным скандалом? Сами понимаете: права человека всякие.

– А, это, – махнул рукой капитан, – не бойсь. Эти чумные американцы даже рады. Они, видишь ли, изучают российскую глубинку, а ваш Но-Пасаран как образец глубинки их очень даже привлекает. Все формальности, связанные с задержкой, они берут на себя.

– Хорошо, – совершенно искренне обрадовался Костя.

– В общем, тебе все ясно, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес Ведерко, – чтобы все было того, сам понимаешь. Иностранцы, все-таки. Если что – спрос с тебя.

Костя приблизительно понял. Он уже привык к лаконичному и сумбурному языку начальства и выработал особую стратегию понимания его требований. Начальство не придиралось по мелочам, не изматывало постоянными проверками и даже доверило расследование убийства, произошедшего недавно в совхозе. Надо ли говорить о том, что молодой, тонущий в избытке собственной энергии и старательности Комаров оправдал доверие? Ведерко тоже остался доволен. Когда за тебя кто-то выполняет твою работу и еще считает это за честь, то редкий хохол останется недоволен. В общем, в отношениях между Комаровым и Ведерко царило полное взаимопонимание. Ведерко тихо, поплеывая через левое плечо чтобы не сглазить,

радовался Комаровской активности, а Комаров, так же тихо поплеывая, гордо нес доверие районного начальства.

Он помахал в окошко пыльной туче, поднятой канареечным УАЗиком, пригладил вихры перед зеркалом и взялся за фуражку. Задание получено, необходимо срочно провести задержанных туристов. Может, жалобы какие, а может, просьбы. Но сразу же исполнить мягкий приказ начальства ему не удалось. На крыльце раздался грохот, и в кабинет ввалилась парочка: молодая краснолицая блондинка и чумазый, колором лица в мать, юнец лет восьми. Одна пятерня блондинки намертво впелелась в сивые вихры отпрыска, другая страховала пленника за ухо.

– Вот, – посетительница отпустила ухо и вихры сына и толкнула его на середину кабинета, – нате вам. Оформляйте.

– Зачем он мне? – не сразу понял правил игры Костя.

– Да не вам лично, а в тюрьму же, – как бестолковому, растолковала она, – как у вас там положено? Сначала пару ночей здесь посидит, потом в город – к убийцам и маньякам в лапы. Ну, а дальше, как повезет – в Сибирь, болота осушать или в Шушенское. Шалаши ремонтировать.

– Что натворил? – Комаров начал понимать, что от него требуется, вернулся за стол и открыл папку с чистыми бланками протоколов допроса.

– Ну, говори, раз ты такой взрослый и смелый у нас, – закатила сыну оплеуху мамаша, – а то как мать родную матом крыть – так он орел, а как перед законом ответственность держать – так телок бессловесный.

Сын зло зыркнул на нее покрасневшими от готовых пролиться слез глазами и отвернулся.

– Говори, говори, собачий сын, все равно придется. Не здесь, так в Сибири все расскажешь, маньякам. Уж они-то твой блудливый язык наружу вытащат, уж они-то тебе покажут, как мать родную забижать!

Губы преступника слегка дрогнули.

– Сядьте на стул и помолчите, – потребовал Костя. – Дальше дознание я буду вести сам.

– Только его не до крови тут, – пожалела в последний момент мамаша, – а то нам его еще в райцентр везти на смотр художественной самодеятельности. Фокусы показывать. Фокусы, он, видите ли, показывает! Я ему покажу, фокусы! – опять завелась мамаша.

– Рассказывай, – перебил ее Костя.

Ему было жаль мальчика. Комаров сам только что закончил школу милиции и уехал из под материнской опеки, поэтому чувства мальчишки были ему гораздо ближе и понятнее, чем о том могла догадываться его мамаша. Задержанный немного помолчал, бросил короткий взгляд на участкового, почувствовал, видимо, ту каплю симпатии, которую Комаров не сумел сдержать и буркнул:

– Сама виновата.

«Уже хорошо, – отметил Костя. – То, что преступник начал говорить – положительный симптом».

– Она меня не пускала Лешака ловить, – кололся меж тем малец, даже не дожидаясь наводящих вопросов Комарова, – а мальчишки говорят, что мне слабо. Я хотел через зады убежать, а она поймала – и крапивой. А я...

– Продолжай.

– Ну, а я не сдержался и по-матушке. А чего она лезет? Я же не лезу, когда она с тетей Мариной неприличные анекдоты рассказывает или с папкой кассеты смотрит, а меня выгоняет. Им – все можно, а мне – нельзя?

Правдолюбец вытер потекший нос пыльным, в черных разводах и точках локтем.

– И это он о родной матери! – не выдержала сидевшая в углу женщина, – я его носила, рожала, кормила, пеленки стирала, ночами не спала, воспитывала, а он мне...

Матушка словесно продемонстрировала слегка оторопевшему участковому оскорбление, которое нанес ей сын.

– Хорошо, – вздохнул Комаров, – выношу решение. Смотри сам: у матери твоей какая главная задача? Сделать из тебя человека, так?

– Так.

– Значит, сейчас она у тебя выполняет особо важное задание, так?

– Ну.

– Отвечай по-форме.

– Так точно.

– То есть в данный конкретный момент мать у тебя находится при исполнении?

– При исполнении, – ненадолго задумавшись, согласился юнец.

– Неподчинение сотруднику, находящемуся при исполнении карается законом. В курсе?

– А то!

– А ты еще добавил срок попыткой к бегству. Было?

– Так точно.

– Значит, наказания тебе не миновать. Три часа исправительных работ при местном отделении милиции завтра с утра. Будешь линовать протоколы допросов. Приходи ровно в восемь и без опоздания. Опоздание приравняю к побегу. После исправительных работ попросишь у матери прощения. Ясно?

– Ну. А прощения я и сейчас могу попросить. Я уже раскаялся. Можно?

– В порядке исключения.

– Только я дома. На ушко.

И такими делами приходилось заниматься Комарову. Жизнь совхоза имени Но-Пасарана была несколько бедна на серьезные преступления. Поэтому один молоденький участковый должен был сочетать в себе функции следователя, группы захвата, инспектора детской комнаты милиции и еще бог знает кого.

Костя проводил посетителей, долго и старательно поправлял фуражку перед зеркалом, закрыл отделение на ключ и отправился на встречу с иностранцами.

Он почти не волновался. Единственное, что немного напрягало, это то, что Комаров практически не знал английского языка. В общеобразовательной школе и школе милиции он учил немецкий, по-английски знал несколько расхожих слов и выражений типа: «вау» и «йес».

– Ну, ничего. Если я с но-пасаранцами научился разговаривать, то и с американцами разберусь, – решил он.

Последняя фраза не была пустой похвалой. Когда Комаров по собственной, так и не понятой товарищами и родным братом Кириллом инициативе, приехал в далекое незнакомое село бороться с преступностью, он столкнулся со многими трудностями. В том числе и с непониманием со стороны аборигенов. Местные жители почему-то воспринимали повестки, рассылаемые по дворам, как личное оскорбление всему их роду до седьмого колена. Девушки, с которых Комаров пытался снять показания, срочно были зачислены в категорию «невест с подпорченной репутацией», а мамы этих самых девиц чуть не разорвали самого Комарова на множество мелких аккуратненьких кусочков. Умение работать в параллельном мире сельской местности осваивалось Костей путем опасных проб и роковых ошибок. И первый экзамен был сдан на «отлично». Костя сумел расследовать убийство и собственноручно задержал убийцу, восстановив таким образом справедливость и получив одобрение местных стариков. А это что-нибудь, да значило.

Глава 2

Все пропало. не в смысле, спасайся, кто может, а в смысле куда-то подевалось

Уже в дороге к бараку, где квартировали американцы, Костю отвлек неприятный, громкий звук. Создавалось впечатление, что где-то совсем рядом засорилась раковина, и грязная, напитанная малопривлекательным жиром и еще менее привлекательными остатками пищи вода рвется не в трубу, как это и положено, а в квартиру наравивших хозяев.

Еще подобный звук часто издавал только что народившийся родник, пробивающий себе путь в слежавшейся толще земли. Роднику неважно – природой ли он создан, нетрезвыми ли сварщиками, сделавшими в водопроводной трубе слишком тонкий шов – он хочет пробиться на свободу, чтобы служить людям, животным и растениям. И он пробьется – рано или поздно. Впрочем, шум, который слышал участковый, не имел ничего общего ни с родником, ни с раковиной. Бурчало у Кости в животе. Его молодой, еще растущий организм не привык к тяготам и лишениям взрослой жизни и требовал пищи в привычное время. А сейчас как раз было время обеда.

Обычно столовался Комаров у своей квартирной хозяйки – Анны Васильевны. Анна Васильевна была одинока, ухаживала за новым участковым как родная мать и люто ревновала, когда тот обедал не дома. Сегодня, пожалуй, гнев Анны Васильевны грозил опять обрушиться на его голову. Домой заходить было некогда, а есть хотелось так, что в голове шумело, а в животе противно щипало и всхрапывало.

– Зайду в столовую, – решил Комаров, – заодно проверю, чем там кормят гостей. А если повезет, там же с ними и познакомлюсь.

Костя пошаркал ногами по вязаному вкруговую коврику, по-домашнему положенному перед входом в «Геркулес», снял фуражку и нырнул внутрь.

Внутри было интересно. Деловито и уютно жужжали мухи, тихо реяли на сквознячке облепленные теми же самыми, но уже не столь деловитыми мухами длинные бумажные липкие ленты, на полу чесался не по-столовски щуплый, но по-столовски наглый кот, американцами еще и не пахло, зато в воздухе витали вполне употребимые в пищу запахи борща и компота из сухофруктов.

Все бы ничего, но визуальные и обонятельные ощущения портило звуковое сопровождение. Нет, не смачные шлепки слабо пилотируемых мух о стекло и не ширканье когтистой лапы кота по плешивому боку так не понравилось Комарову. Это все были звуки привычные, добрые, домашние. Насторожил Костю нестройный гул голосов, доносившийся из смежного со столовым залом помещения, по простому – из кухни.

– А вас, Марья Степановна, вообще каждый божий день сынок с работы встречает, – кричал высокий, но явно не женский голос, – а чего это он, спрашивается, вас встречает? Чего он около мамкиного подола позабыл?

– А ты не завидуй, – громко, но спокойно отвечал голос низкий, но явно не мужской, – твоя-то вертихвостка упорхнула в город, да ни слуху, ни духу о ней. Поди-ка где-нибудь в «За стеклом» снимается, с нее станется! А мой парень честный, порядочный и о мамке заботливый.

«Наверное, Марья Степановна», – подключил дедуктивный метод Костик.

– Ты Таньку мою не трожь, – взвизгнул мужской голос, – а то так поварешкой долбану, что и Славка твой не узнает!

– Ну, долбани. А я тебя подойником. Посмотрим, чья башка покрепче будет.

– Стойте, стойте, – прервал их третий голос, принадлежащий явно молодой и суетливой особе, – вот послушайте: уходим мы все вместе. Видим, кто какие сумки домой тащит – все

перед глазами товарищей по работе делается, больше других никто не унесет. Ну и что, что я сама продукты тащу, а тетя Мане ее Славка помогает? Хорошего, значит, сына вырастила. А вес у всех сумок одинаковый, я сама проверяла. А вчера даже перед уходом в холодильник заглянула: кастрюля с фаршем полная стояла. Давайте по-другому посмотрим: если уходят все вместе, а продукты остаются, то значит, кто-то возвращается! И уносит все оставшиеся продукты! У кого есть ключ?

Затянувшаяся пауза послужила для Костика сигналом к действию. Он обогнул стойку и распахнул прикрытую дверь. Краем глаза, пока все присутствующие не успели перевести взгляд на его персону, он успел запечатлеть картинку: четыре дамы разной дородности и возраста, уперев руки в бока, строго и обличающе смотрят на махонького, но в высоченном белом колпаке мужичка с блестящим лицом и глазами. Впрочем, картинка тут же изменилась.

– Батюшка! – всплеснула руками самая крупная и пожилая дама из компании.

«Должно быть, Марья Степановна!» – отметил Комаров. Он сразу узнал ее по голосу.

– Пришел, кормилец, – продолжала тем временем плескать руками повариха. – И как всегда – вовремя. А то мы прямо все растерялись. Вяжи его, крохобора. Нам без мужчин не справиться.

– Чего вы, бабоньки, чего вы, – залопотал «крохобор», – да вы что, всерьез на меня? Да я же никогда больше других не брал, хотя и мог бы. Да вы чего, совсем одурели от жары?

– Кто-нибудь может сказать мне, что произошло? – строго потребовал Комаров.

Он уже немного привык к тому, что с недавних пор его стали всерьез воспринимать в Но-Пасаране и не испугался экспрессивно-уважительного «батюшка».

– Обкрадывают нас, батюшка, – вытерла слегка лживую и поэтому одинокую слезу Марья Степановна, – как есть родное начальство обкрадывает. Мало того, что детки наши голодуют третий день, так еще и мериканцы недоедают. Ложками, как пионеры, по столу лупят, добавков требуют, а добавков-то и нет! Тю-тю добавки! А все этот, мелкий, да прожорливый, – ткнула она для верности в сторону человечка в колпаке.

– Да ты че, Мань, – взвыл человек, – да мы ж с тобой с мальства знакомы! Ты что, не знаешь? Да когда я лишку-то брал? Да куда мне столько фаршу девать? Не скотину же кормить!

– С мальства, говоришь? – насколько смогла, прищурила свои почти круглые глаза Марья Степановна, – а кто у меня в третьем классе шапочку распустил? А кто лезвием косу подпилит? А кто с дежурства в школе всегда убежал, а мне одной полы мыть приходилось?

– Ну, чего вспомнила, – мелко замахал кистями рук человечек в колпаке, – когда ж это было!

– А вот с таких-то невинных мелочей рушится дух коллективизма, и начинаются большие подлости, – подняла вверх указательный палец измывательница, – вяжите его, гражданин начальник.

Костя начинал злиться. Он чувствовал, как стенки его желудка медленно, но верно сходятся и начинают прилипать друг к другу. Вот слипнутся так, что и ножом не подденешь, и он умрет. А все из-за дразг этих нечистых на руку работников общепита. Костя промокнул лоб рукавом форменной рубашки и рывкнул:

– Кто-нибудь в этой компании может мне сказать, что происходит?

– Я могу! – вперед выскочила совсем молодая, по комплекции напоминающая скорее уже знакомого Комарову кота, чем повариху девушка.

– Имя! – все так же строго рывкнул Костя.

– Маринка, – не смутилась строгого тона девушка, – а Зацепина – моя фамилия. В прошлом месяце закончила десятый класс, здесь прохожу отработку, пятая трудовая четверть называется. Всех девчонок на трактора послали, а я сюда упростила. Мне надо жирок нагулять, а то я тощая, замуж никто не возьмет, – доверчиво, как родному призналась она.

По неопытности и от избытка деликатности Костя поторопился успокоить бедняжку:

– Сразу и никто? Многим нравятся стройненькие.

– Правда? – сразу прицепилась девица, – а вам какие нравятся? А я вам нравлюсь? А в вас все девчонки с нашей улицы втрескались. А я и не знаю даже: в вас влюбляться или в Сашку? Вы, конечно, городской и в форме, а Сашка зато целуется классно.

– Давайте по существу, – откашлялся Костя.

В отражении огромной, до блеска надраенной кастрюли он видел, как лицо его медленно, но верно заливает предательская краска.

– А вы что, еще не поняли? – захлопала короткими, выветленными солнцем ресницами Маринка, – да продукты же у нас сегодня скрали! И вчера тоже скрали! И позавчера!

Уходим – все на месте, приходим – холодильник пустой, полуфабрикаты – как кверху поднялись, даже костей от мяса не остается. Да еще и пол весь натоптанный.

– То есть налицо факт кражи? – оживился Комаров.

Он мгновенно забыл о тиранищем его совсем недавно голоде и весь подобрался, словно городской ирландский сеттер, почуявший кошку. Костя успел отдохнуть от первого, чрезвычайно сложного дела и даже немного затосковал, пленяя пьяненьких односельчан и воспитуя подрастающее поколение. Быстренько прогнав в голове лекции по расследованию дела по горячим следам, он построил команду общепита в линейку, рассортировал их по степени важности, оставил одного – самого подозрительного, а остальных добровольно запер на складе.

Снимал показания Костя правильно и по-очереди, школу милиции он закончил с одними «пятерками». Записывал все, до мелочей, держал себя бесстрастно и уважительно, вопросы задавал глядя в область бровей – как и учил его Виктор Августинovich Афиногенов – вечный преподаватель школы милиции. Никто не знал, сколько лет Афиногенову. Виктор Августинovich всегда был подтянут, худощав, выглядел безукоризненно. Его никак нельзя было назвать седеньким и стареньким, хотя в пижонски уложенной шевелюре не наблюдалось ни одного темного волоса, а возраст... Кто его знает! Небольшую ориентацию давали сведения о том, что пенсионный возраст у него наступил лет тридцать назад, до работы в школе милиции он работал в угрозыске, а начинал, как говорили, в ЧК. Впрочем, о работе в ЧК Виктор Августинovich никогда не распространялся, поэтому Костя не особенно верил слухам.

В двери столовой уже ломились непривыкшие к лишениям и голоду американцы, а Костя еще не закончил опрос служителей ножа и половника. Наконец, когда гости совхоза начали скандировать что-то бойкое и похожее на «Йес, скотин», Костя поставил точку на седьмом из исписанных мелким, угловатом почерком листе.

– Что это они там кричат? – насупился он, – что значит: "Да, скотине? Это они мяса так просят или обзываются? А может, они из Гринписа и так протестуют против мясной пищи? Ну-ка, запускай, разбираться будем!

– Да это они не про скотину орут, – успокоила его раздумывавшаяся от допроса Маринка, – это их научил кто-то так еду просить.

– Я понимаю, что еду, – не сдавался Костя, – но при чем тут крупный и мелкий рогатый скот? Не проще ли попросить просто котлет или скромно и деликатно потребовать капусту и картошку вместо мяса?

– Да не при чем, бестолковый какой, – распоясалась Маринка, – «йес» – это на самом деле не «йес» а «есть», ну «кушать», просто они не выговаривают. А «скотин» – это вовсе никакой не рогатый скот, а «хотим». Просто все сливается и так получается.

– Значит, – Костя сделал сильное ударение на этом слове, – они не обзываются «йес, скотин», а просто кричат «есть хотим»?

– Понял, – преувеличенно радостно всплеснула руками Маринка. А про себя подумала: «А Сашка, все-таки лучше. Толковее. И целуется, опять же».

Общаться в этот день с американцами Костя не стал. По важности, расследование кражи готовых продуктов и полуфабрикатов из «Геркулеса» было главнее. А американцы вообще

прибыли неофициально. Кормят их – и ладно. А с остальным можно и подождать. Если честно, ему никак не хотелось общаться с гостями. Ну что он может для них сделать, если даже языка не знает? Пусть директор совхоза, да клубные работники с ними носятся. А Костя будет расследовать преступление – для этого он сюда и приехал.

Успокоив таким образом совесть, поднявшей свою змеиную головку, Комаров занялся делом. Ему надо было систематизировать и разложить по полочкам всю добытую информацию, извлечь из нее рациональные зерна, а уже из этих зерен прорастить четкую картину преступления. Костя весь горел от воодушевления. С каким трудом он раскрывал первое свое преступление! Но то дело было действительно сложное – настоящее двойное убийство. А это – простая кража продуктов в столовой. Да Костя ее раскроет в считанные часы! Если бы знал Комаров, какую страшную ниточку вытянул он из этого невинного с виду «Геркулеса»!

* * *

Переполох, поднятый в столовой, имел под собой довольно твердую основу. Начать с того, что профессиональных поваров в Но-Пасаране отродясь не бывало. Поварами обычно в совхозе называли тех людей, которые в горячее время страды соглашались пожить на полевом стане и поварить в полевых условиях еду для трактористов и комбайнеров.

В повара обычно шли пенсионерки, затосковавшие по коллективу, да школьницы, в период летних каникул. Зарплата поварам начислялась настолько символическая, что в городе такую зарплату называли бы «только на проезд». В Но-Пасаране общественного транспорта почему-то не было предусмотрено, и поварихи либо пристраивались к попутному транспорту, либо шли коротким путем – по узкому пешеходному мостику через речку Нахойку и немного по лесу. Поэтому зарплату хватало не только на проезд. И все равно: в связи с чудовищно низкой оплатой труда все, даже сам Господь Бог и директор совхоза просто требовали, негласно, конечно, чтобы повара немного приворовывали. Механизаторы от этого не страдали. Повара не вырывали корочку хлеба прямо изо рта закопченного труженика полей. Просто продуктов выписывалось заведомо гораздо больше, чем эти самые работники могли осилить. С налетом американцев для поваров наступил рай. Их в спешном порядке сняли со станов и забросили на кормежку непрошенных гостей.

Первое время работать было приятно. Повара больно не изошрялись и готовили иностранцам простую но-пасаранскую еду. Американцы воспринимали ее правильно и доброжелательно: как экзотику. Долго веселились над простыми русскими щами – почему-то тыкали пальцами в особ женского пола, выкрикивали название первого блюда и сгибались напополам от хохота. Но ели. И даже просили добавки. Вот тут-то и возникли проблемы. Повара никак не рассчитывали на неумный аппетит пришельцев, поэтому приготовили в первый день поменьше. Еды не хватило. Вечером вся бригада трудилась над изготовлением полуфабрикатов для прожорливых иноземцев. Бригадир даже собственноручно сварил бульон для рассольника. После окончания трудового дня уставшие повара забрали излишки еды и разошлись по домам. Утром их ждал сюрприз. Мясо из бульона для рассольника словно растворилось в этом самом бульоне, причем бульона значительно поубавилось. Заметно сократилась так же стопка нарезанных сырых отбивных, опустели три банки варенья, приготовленные для утренних блинчиков.

Повара пожимали плечами, втайне подозревали друг друга, но скандал устраивать не стали. Мало ли чего пропадает из общественных помещений! Не подозревать же коллег, в конце-концов! Все бы закончилось обычными сплетнями о товарищах за спиной, если бы во второй день еды не пропало еще больше. Это уже было нехорошо. Ну, ладно, не смог побороть соблазн похититель в один день. Но чтобы и второй раз оставить американцев полуголодными и не поделиться с товарищами – это было уже слишком.

Коллектив расшатывался на глазах пока молча. Сначала все члены бригады просто подозревали и тихо ненавидели друг друга. Потом эта тихая ненависть вылилась в более громкое шептание парочек по углам. А когда бригадир нечаянно проболтался, что к нему в гости приехали братья с семьями, нарыв нездоровых отношений в коллективе прорвался. На этот-то прорыв и попал Комаров. Пришел он поздновато и не слышал, как Марья Степановна обвинила бригадира в скормливании американского пайка своим братьям. Костя успел допросить всю бригаду и понял, что повод для кражи еды был не только у того самого мужичка в высоком колпаке.

Марья Степановна, например, готовилась к свадьбе сына. Вполне возможно, что она начала запасать продукты впрок. Маринка Зацепина страстно мечтала поправиться. Она, правда, не голодовала во время трудового дня, но вполне могла и ночью прокрадываться на рабочее место и подъедать полуфабрикаты и готовые блюда. У других членов бригады тоже были вполне основательные причины для хищения общественной собственности. Дело грозило стать запутанным и интересным. И расследование необходимо было начинать немедленно. Но сначала надо было поесть. Желудок Костика слипся окончательно и кажется, стенки его уже начали пожирать друг друга. В столовую возвращаться не хотелось, поэтому Костя решил по дороге забежать на работу, бросить папку с бумагами и пообедать дома. Обеды Анны Васильевны еще ни разу не разочаровали его.

Припрыгивая на ходу, он припустил к знакомому и ставшему ему родным домику с мальвами. Вдруг что-то заставило его притормозить. Костя попытался резко остановиться, но не успел, тело по закону инерции продолжало двигаться, а ноги, послушно приказу мозга, стояли на месте. Комарову пришлось призвать на помощь всю свою мышечную силу, чтобы не растянуться позорно в знатной, легкой как пух и мягкой но-пасаранской пыли.

Махая руками, словно ветряная мельница, побалансировал он на месте, потом принял свое обычное вертикальное положение и прокрался за угол ближайшего дома.

– Следите, Константин Дмитриевич? – широко улыбаясь, прошамкала проплывающая мимо старушка.

– Идите, идите, – скорее прожестикуюлировал, чем сказал Костя.

– Поняла, милоч, поняла, – часто закивала головой доброжелательная бабушка, – каная отсюда. Если чего надо – зови, подмогну. Ты не смотри, что старая, я еще о-го-го!

Комаров соорудил несчастную рожицу и с мольбой посмотрел на словоохотливую бабусю. Та подобрала подол и живо засемила прочь от участкового, тихо, как казалось только ей, причитая:

– А я чего? Я только подмогнуть хотела. Мало ли чего. Я всегда с охоткой, ежели чего.

Вопреки мнению догадливой старушки, Костя скрывался не от кровавого маньяка и выслеживал не матерого убийцу или похитителя продуктов питания, предназначенных для американцев. Он прятался от вполне симпатичного парня, сидящего на крыльце отделения милиции. Парень был совсем не страшным: невысокого роста, слегка полноват, щекаст и улыбочив. И в другое время Комаров был совсем не против встретиться с ним. Дело было не в самом парне. Дело было в желудке Костика. Он хотел домой, на обеденный перерыв. Он не хотел принимать посетителя.

В душу его черной гадюкой медленно заползала подлая мыслишка:

«Вот сейчас развернуться на цыпочках и тихо-тихо пойти в обход. Ем я быстро, побросаю еду в живот – и бегом обратно».

Глупое тело Костика уже начало разворачиваться, когда его остановил более сознательный мозг:

«Ты приехал сюда бороться с преступностью, – сурово вещал разум, – а сам ноешь, как какой-нибудь менеджер по PR только от того, что не можешь вовремя пообедать. Что говорил тебе Виктор Августинovich? Главное в работе сыщика – не внушать просьбам своего брэнного

тела. Капризы тела – вот источник всех бед, которые происходят с настоящими профессионалами. Научись не слышать просьб тела – это сэкономит тебе массу времени и предотвратит кучу неприятностей».

Костя вздохнул. Грустно, но Виктор Августинovich прав. В их работе промедление может стоить человеческой жизни. Комаров вышел из засады и направился прямо в руки поджидающего его молодого человека. Посетитель издали узнал участкового и приветливо встал ему навстречу.

«Интересно, откуда он меня знает? – думал Комаров, – или я уже стал на селе настолько заметной персоной, что меня узнают даже неместные?»

То, что парень не из Но-Пасарана, Костя догадался сразу. Во-первых, все местные физиономии успели ему примелькаться. Во-вторых, левая рука парня была почти черной от загара, тогда как правая – обычная, как у всех россиян, не сумевших попасть на черноморское или какое там еще побережье. Такая заметная разница в пигментации рук была характерна для водителей дальних рейсов. Летом в некондиционируемых машинах окно почти всегда приходилось держать приспущенными, локоть водителя уютно и привычно лежал на рамке окна и медленно, но верно прокаливался солнцем. Это Костя понял уже давно. Он вообще любил играть с дедукцией и рассуждать над природой привычных вещей. Комаров не успел догадаться, откуда дальнобойщик его знает. Парень подошел почти вплотную и протянул руку.

– Здравствуйте, вы – участковый, – скорее утвердительно, чем вопросительно поинтересовался он, – хорошо, что вы в форме. А то я бы и не догадался, что вы – милиционер. Я считал, что все сельские участковые похожи на Аниськина – пожилые и серьезные. А мы с вами почти ровесники.

Костю бросило в жар. Нет, он не обиделся намеку на свою молодость, а, стало быть, неопытность. Он просто немного расстроился. Сразу надо было догадаться, что посетитель вычислил его по форме.

– Я – Анатолий Фокин, дальнобойщик. Дело в том, что я беспокоюсь о своем напарнике, – сразу взял быка за рога водитель. – Нас задержали таможенники из-за сусликов и товарищ мой загулял. Сначала я не волновался – Жека холостяк, никогда не упускает возможности поволочиться за какой-нибудь юбкой. Думал, подцепил себе бабенку из одиноких и квартирует у нее. Такое уже не раз бывало, когда нам приходилось задерживаться в пути, – еще раз подчеркнул он, не спуская глаз с Комарова. – Но вот завтра должен прийти наш анализ крови, скорее всего, нас пропустят. А Жека все не появлялся. Я прошел по селу, поспрашивал – никто ничего не знает или просто не хочет говорить. Вы не поможете? Я его знаю, если его вовремя не вытащить, то он может загудеть дней на десять. А вы человек местный, по долгу службы должны знать слабые, так сказать, места местных жителей. Вам будет легче его вычислить. Поможете?

– Конечно, – согласился Комаров, – это моя работа.

Легкое волнение, пробежавшее по всему его телу в самом начале монолога дальнобойщика, успокоилось. Костя надеялся, что напарник его исчез хотя бы при загадочных обстоятельствах, а тут... просто загулял. Желудок Комарова издал злобный предсмертный стон.

«Гляди-ка, еще шевелится», – грустно обрадовался Костя.

– Как зовут вашего напарника?

– Пенкин Евгений, – с готовностью ответил парень.

Костя отметил, что тот нервно мнет в руках тугую на скручивание красную бейсболку.

– А кто такой Жека?

– Он же. Ну Евгений, Женька, сокращенно Жека.

– Когда вы его в последний раз видели?

– Дня три-четыре назад, когда приехали. Когда он узнал, что мы здесь надолго, сразу подцепил какую-то бабенку и ушел.

– Вы не видели эту женщину?

– Нет, только силуэт. Темно уже было. Среднего роста, полноватая. С прической.

– Куда они направились? Где она живет?

– Где живет – сказать не могу. Они шли не к ней, а на сеновал, кажется. Жека уже был пьян до синевы, а она требовала любви на сеновале. Скрутила ему чем-то руки и повела.

– Значит, вы слышали ее голос?

– Голос, как голос, – предупредил вопрос Кости Анатолий, – обычный женский голос. Хрипловатый и низковатый. Может, не первой свежести и слишком наигранный. Я заметил, что она говорила не по-деревенски, как-то вычурно, книжно.

– В какую они сторону шли? – задал следующий вопрос Комаров.

– Не в деревню, точно. От мостика, где КамАЗы стоят, влево, там еще сеновал заброшенный, – опять повторил Толик, смотря Косте прямо в глаза.

– Хорошо, вы пока свободны, – отпустил его Комаров, – если он появится или вспомните что – сообщите. И еще: вам придется задержаться до выяснения всех обстоятельств исчезновения вашего напарника. Подписку о невыезде я с вас брать не буду, но очень надеюсь на вашу сознательность.

– Я сам никуда не уеду, пока он не вернется. Фура порожняя, а без Жеки я возвращаться не могу.

Фокин ушел.

«Нет. Если я немедленно не съем хоть что-нибудь, то умру. Им же хуже будет», – мысленно пригрозил Костя но-пасаранцам. От голода он уже не мог соображать.

Во дворе его ждал Мухтар.

– Где весь день бегал? – потрепал Комаров напарника за взлохмаченную, не признающую никаких щеток холку,

Мухтар смотрел на Костю умными, почти человеческими глазами. Он обожал своего хозяина. До появления в совхозе имени Но-Пасарана нового участкового, Мухтар был беспризорником. Одинок скитался он по селу в поисках человека, достойного носить звание ХОЗЯИНА такого толкового и храброго животного. Костика он заприметил сразу. В пользу нового участкового говорило многое: молодость – с молодым хозяином весело; бессемейность – есть шанс, что хозяин никого не будет любить больше, чем Мухтара; наивность – доверчивого хозяина приятно надувать; форма – с человеком в форме тебя ни одна собака не тронет. Мухтар, который тогда еще был безымянной скотиной, пару дней походил за Комаровым, а потом прилип к нему навеки.

Костя немного посопровтивлялся, а потом махнул рукой и взял Мухтара на службу, несмотря на то, что по породе тот был не овчаркой, а козлом. Раскаяться в своем опрометчивом решении Косте не пришлось, козел оказался бесценным: легко брал и вел след, быстро выучил собачьи команды, научился махать хвостом и в свободное от прогулок время охранять дом. Характер у козла был, правда, противоречивый, но животное было предано новоприобретенному хозяину, а это многого стоило.

Костя был рад, что Мухтар пришел вовремя. После обеда он собирался начать поиски Евгения Пенкина и столовского вора, и здесь чуткий нос Мухтара мог очень даже пригодиться.

– Ждать, – скомандовал Комаров Мухтару и зашел в дом.

Мухтар бросил удивленный взгляд ему в спину и выскользнул за калитку.

Глава 3

Найти бусы в стоге сена

Дома, вернее в доме, который совхоз арендовал для участкового, было чисто прибрано. На столе, укутанная в льняное полотенце и прикрытая подушкой, стояла кастрюля с куриной лапшой. Костя стремительно ополоснул руки, грохнулся на стул и схватил ложку. Наливать суп в тарелку было некогда. А если никто не видит, то можно поесть и из кастрюли.

Комаров никак не мог избавиться от детской зависимости от постоянных замечаний взрослых и если и делал что-нибудь неправильно, то тайком, с оглядкой, чтобы кто-нибудь не заругал. Хотя, кто же мог «заругать» такого популярного и серьезного человека на селе, как участковый?

– Хоть бы в тарелку отлил, – не замедлил отличиться «кто-то». – Напускаешь слюней, а мне есть потом.

В комнате больше никого не было, хотя голос звучал совсем рядом, как бы возле уха самого Комарова. Однако, Костя совсем не испугался.

– Да брось ты, дед, – невнятно проговорил он, – некогда мне. Работа. А чего ты раньше не поел? Время-то!

– Конечно, – в голосе зазвучали жалостливые нотки, – я бы отъел, а тут эта ехидна и заглянула бы. Увидела бы, что в кастрюле мало и моментом меня бы вычислила. Эта баба хитрее партизана. А я, можно сказать, и не пожил ищю. Только, можно сказать, при тебе свет взвидел.

Дед был чем-то вроде домового в доме Костика. Нет, он был самый настоящий живой дед, просто очень древний и неприхотливый. Он мог бесчисленное количество времени обходиться без пищи и воды, мог не слезать с печи неделю. Единственное, от чего он испытывал дискомфорт, это его любимая сноха – та самая Анна Васильевна, которой и принадлежал дом. Жила она в соседнем доме и за символическую плату следила за хозяйством участкового. Анна Васильевна и не догадывалась, что ее свекор скрывается так близко. Она совершенно искренне полагала, что он находится в бегах где-то на необъятных просторах страны.

Пока дом пустовал, печному деду или просто Печному, как называл его Костя, приходилось туговато. Ему самому приходилось добывать себе пропитание и скучать на теплой печи долгими зимними вечерами. Теплой, так как Анна Васильевна была хорошей хозяйкой и заботилась о пустующем доме. В это тяжелое время он предпочитал впадать в спячку. Когда в доме стал жить Костя, Печной долго приглядывался к нему и в конце второй недели совместного проживания решил подать голос. Костя подружился с Печным, хотя характер того был под стать козлиному – чрезвычайно противоречивый. Но с ним было как-то повеселее, да и мысли иногда дед подавал довольно дельные. Правда, только иногда. Анна Васильевна так и не знала, где скрывается беглый свекор, а деда это очень даже устраивало.

– Спускайся, – скомандовал Костя, влезая в джинсы, – а то скоро Анна Васильевна за посудой придет.

– И то верно! – испугался невидимый Печной.

Цветастая зановесочка на печке зашевелилась и из-за нее показались огромные, выдавшие виды серые валенки. Незнакомца эти валенки повергли бы в шок, Костя же к ним привык. Дело в том, что Печной уже много лет не снимал этих самых валенок. Постепенно, преимущественно в дни зимних спячек, ногти деда росли, пока не проросли сквозь эти самые валенки, подобно нежным зеленым росткам, пробивающим грубый асфальт. Деда такое положение вещей устраивало – зафиксированные ногтями, валенки не сваливались.

Когда дед спустился со своей печи или снохоубежища, как он ее ласково называл, Комарова уже и след простыл. Куриная лапша подействовала на него как органическое удобрение на чахлый цветочек. Молодые силы, придремавшие в этом теле, опять взыграли в крови и погнались эту самую кровь по сосудам в убыстренном темпе.

* * *

Комаров шел по улице и по своей старой привычке бормотал себе под нос. Теперь он мало чем отличался от остальных гражданских лиц. Те же узкие джинсы, та же майка и бейсболка. Обычно Костя надевал форму только для работы в отделении, если приходилось вести наблюдение или просто бродить по лесам-лугам в поисках следов преступления, он переодевался в ту одежду, которая не стесняла движений и не привлекала внимания.

Хотя в этом даже переодевание не помогало. Сначала на нового участкового обрушился камнепад повышенного внимания только потому, что он новый участковый. Костя даже пробовал маскироваться с помощью козла. Когда на центральной улице ему пришлось следить за одной но-пасаранкой, он взял было Мухтара. Костя рассчитал, что сельчанин, пасущий козлика, очень удачная находка для незаметного наблюдения за домом. Эсмеральды из него не получилось. Непонятно, по каким причинам, но новый участковый, выгуливающий бездомного козла, вызвал такой взрыв интереса среди односельчан, что эту идею пришлось оставить.

Сейчас Мухтар просто послушно и неспешно шел за хозяином, иногда забегаая вперед и нетерпеливо заглядывая ему в глаза, словно спрашивая: «Ну что, напарник, когда же на дело-то пойдем?»

– Итак, на меня практически одновременно свалились сразу три проблемы. Несложные, но требующие немедленного решения. Первая – самая легкая. Найти загулявшего дальнобойщика. С этой я справлюсь между делом. Вычислить, в каком доме гостит парень – пара пустяков. Одиноких и слабых на уговоры дам в Но-Пасаране не так уж и много.

Вторая – сложнее, но тоже довольно легкоразрешимая. Посидеть ночку в засаде – и все дела. Столовая находится на открытом месте, все подступы к ней хорошо видны. Правда, воришка может затаиться и не прийти ближайшей ночью на дело. Но тогда становится абсолютно ясно: преступник входит в состав бригады поваров. Все пятеро давали подписку о неразглашении содержания беседы с участковым, и если этой ночью продукты не пропадут из столовой, значит вор – один из поваров. То есть он практически найден. Кратковременное подключение дедукции на полную мощность – и станет ясно, кто из этой пятерки нечист на руку.

Третья задача самая трудная – проследить за американцами. Чтобы но-пасаранцы их не обижали и попадались им на глаза в нетрезвом виде маленькими порциями, а не полным мужским составом села. Это проблема, пожалуй, самая сложная. Без помощников здесь справиться трудно. Но я попробую!

Комаров был сыт, молод, а значит и решителен. И с ним был его верный рогатый Мухтар.

* * *

Для разминки Комаров решил заняться самым простым – вычислить Евгения Пенкина. Ни к чему было привлекать внимание односельчан к слишком вольному поведению гостя, поэтому опрос Костя решил оставить напоследок. Сначала вполне можно исследовать сенник, в сторону которого удалилась парочка. Вполне возможно, что любвеобильная дамочка могла оставить там следы своего пребывания. Сережку, например, или шпильку.

– Хотя, найти сережку или шпильку в сене трудно, – остановил свои размышления Комаров, – было бы лучше, если бы она потеряла платок. Нет, не платок. Анатолий говорил, что у

нее была прическа. Тогда – туфли. А еще лучше – паспорт или водительское удостоверение, – совсем размечтался Костик.

Но мечтать было уже некогда. За размышлениями Комаров и не заметил, как вышел к заброшенному, поросшему зеленоватым лишайником сеннику. Как уже успел узнать Комаров, раньше сенник принадлежал некому Куркулеву, а сейчас был ничей. Слишком далеко стоял он от домов, слишком большой соблазн представлял собой для похитителей чужого сена и любителей покурить на сеновале. Для начала, участковый обошел подозрительное место вокруг и внимательно изучил все следы. Следов было мало. Косте даже не посчастливилось найти ни одного окурка.

– Молодцы но-пасаранцы, – отметил он, – соблюдают правила противопожарной безопасности.

Теперь можно было осмотреть и сам сенник. Костя еще раз внимательно обошел все сооружение в поисках хоть какой-нибудь двери. Дверь была без запора, скорее всего, сенник действительно был ничей и давно пустовал. Костя поискал ручку, не нашел ее и потянул за край двери. Она охотно, но с жутким воем приоткрылась.

Чего такого особенного? Осмотреть среди бела дня обычный сеновал на краю села! Но слишком громкий и пронзительный скрип, с которым сеновал пускал его в свое нутро, заставил кровь Кости немного похолодеть и чуть тише, неслышнее, побежать в кровеносных сосудах.

Комаров немного постоял, привыкая к темноте. Оказалось, что внутри сенник был менее заброшенным, чем снаружи. По крайней мере, в нем еще оставалось довольно много старого, невзрачного на вид и, наверное, вкус, пахнувшего пылью и сыростью сена. Мухтар, на месте опровергая подозрения Комарова по поводу невкусности сена, зарылся мордой в сухую траву. А Костя продолжил осмотр. Искать улики следовало, скорее всего, на самом верху, там, где и провели ночь влюбленные.

– И как они сюда только вскарабкались, – досадовал Комаров, пытаясь взобраться на самый верх кучи старого сена, – пьяный водитель и толстая немолодая женщина!

Ноги участкового проваливались в неутоптанные слои сена, пыль, злорадно поднывавшаяся при появлении человека, оседала на стенках ноздрей, лезла в глаза, противно пудрила волосы.

– Ничего себе, романтика, – выдохнул Комаров уже на самой вершине сухого сугроба, – и чего только люди в этом хорошего находят? Пыльно, колко и воняет.

Только сейчас он почувал обволакивающий, сладковатый запах чего-то неприятного и пугающего. Этот запах и внизу слегка пощекотал ему ноздри, но здесь, наверху, запах был гораздо ярче, насыщеннее. Костик весь подобрался, как гончий пес и включил фонарик, прихваченный из дому. Теперь осмотр должен быть более тщательным.

Медленно, шаг за шагом, если так можно было назвать неуклюжие рывки, которыми он выдергивал утопающие в сене ноги, продвигался Комаров по сеновалу. Подобно скрупулезному археологу, просеивал он в руках пучки высохшей и давно потерявшей аромат травы, словно надеялся найти ту самую сережку или водительское удостоверение сельчанки, похитившей Жеку. Ничего. Ничего, кроме старой, драной, с клочками вырвавшейся на свободу ваты, подушки.

Но вот необычное явление около самой стенки привлекло его внимание. Здесь трава лежала как-то, нехарактерно, слишком правильно и ровно. Костя направил на заинтересовавшее его место луч фонарика. Действительно. Пучок травы был словно собран в букет, да и сама трава в этом подобии букета была необычна. Подвявшие васильки. Пара общипанных ромашек. Колючий голубой чертогон. Действительно, букет. Комаров наклонился. Неприятный запах усилился.

Подобно лисе, почуявшей ход в курятник, Костя начал руками быстро разгребать траву. Долго работать ему не пришлось. Самое страшное предположение подтвердилось. Букет действительно украшал импровизированную могилу.

* * *

Каким образом он скатился с горы сена, Костя не заметил. Когда он немного пришел в себя, то стоял уже возле выхода из жуткого сенника. Костя широко вобрал в легкие воздух. Как хорошо было на воле! И чего это Пенкина понесло в этот дурацкий сенник? Если это Пенкин, конечно.

Все остальные проблемы отодвинулись на второй план: американцы, столовая. Что значат эти мелочи перед трупом чужака, зарытом чьими-то безжалостными руками на чужом сеновале?

Итак, начинаем: в первую очередь надо найти незнакомку, заманившую беднягу на сеновал и хозяина этого самого сеновала. И, кстати! Следов насильственной смерти с первого взгляда нет. А что, если Пенкин умер своей смертью? Это и надо выяснить в первую очередь. Комаров в очередной раз пожалел, что у него нет напарника. С одной стороны, необходимо было срочно идти за машиной – труп надо было доставить в райцентр и вообще, донести сей неприятный факт до ушей районной прокуратуры. С другой – бросать труп без надзора тоже не следовало. Кто знает! Виктор Августинович приводил примеры десятков случаев, когда труп бесследно исчезал с места преступления. На мгновение в его голове мелькнуло воспоминание, как, одурев от растерянности, тащил он бесчувственное тело через все село в прошлый раз. Но эта мысль отлетела так же быстро, как и возникла. На ошибках учатся. И Комаров не был исключением в этом замечательном правиле.

Костя наморщил лоб, немного постоял без движения. Спустя пару минут, морщины на его лбу разгладились, а рука поднялась и бесцеремонно хлопнула своего хозяина по макушке. Костя присел, достал из заднего кармана джинсов потрепанный блокнот с маленькими, полупрозрачными Симпсонами на каждом листочке и торопливо что-то начеркал. Потом свистнул Мухтара и аккуратно сложил записку.

Мухтар проигнорировал зов хозяина.

– Ко мне, – еще раз крикнул Костя и даже притопнул ногой от нетерпения.

Мухтар продолжал что-то смачно жевать. Его небольшой, каплеобразный хвостик чуть подрагивал от удовольствия.

– По дороге траву щипал, – разозлился Костя, – пока я труп искал сено наворачивал, и теперь еще и записку отнести не хочет! Обжора! Точно овчаренка заведу. Немецкого, из питомника.

В подтверждение серьезности своих намерений Комаров схватился обеими руками за хвост питомца и со всей силы потянул его на себя. Козел обиженно мекнул и повернул голову с тяжелыми, солидными рогами.

– Фу, Мухтар, фу, – крикнул Костя.

Изо рта напарника свисало что-то длинное, противное, непонятное. Костя уже смирился с мыслью о том, что Мухтар довольно непривередлив в пище. И даже немного уважал его за это. Ведь именно из-за своего нездорового пристрастия к окуркам Мухтар направил на верный след своего хозяина в прошлый раз. Но окурки, по крайней мере, имели в своей основе растительное происхождение, что не совсем противоречило логике. А что же соблазнительного нашел козел в этой длинной, разноцветной кишке, которая одним концом уходила в сено, а другим – в рот Мухтара?

Наконец Комаров выволок неразборчивое в еде животное на свет и внимательно, но не прикасаясь руками, рассмотрел неопознанную кишку. Вдох облегчения с громким звуком вылетел из его грудной клетки. Этой кишкой подозрительного окраса оказались обычные бусы. Не совсем, правда, обычные. Начать с того, что длина их, по крайней мере, была метра два, не меньше. Во-вторых, вся нитка была собрана из бусинок разного калибра, ценности и фак-

туры. Здесь были и черноморские ракушки, окрашенные в яркие, кислотные цвета, и редкие вкрапления черного, с переливами, чешского хрусталя, и грубоватые деревянные кругляшки, и засохшие ягоды рябины, и мумифицированные еловые шишечки.

– Где-то я уже видел эти бусы, – тихо, только для себя произнес Костя.

Он закрыл глаза. Его память вытащила бусы из желудка лже-травоядного и перенесла их в то место, где Костя увидел их в первый раз. Постепенно рядом появлялись другие предметы, которые ранее соседствовали с бусами, их окружали стены, запахи и живые существа.

– Вспомнил! – ликующе воскликнул Костик, – вспомнил...

Эти бусы он видел на экс-актрисе Ариадне Савской. Актриса жила в Но-Пасаране обособленно, почти ни с кем не общалась – и вовсе не из-за угрюмого и нелюдимого характера. Просто, по ее показаниям, в зените славы она была не то примой Большого театра, не то ведущей актрисой «Современника». Статус просто не позволял ей якшаться с некультурными и грубыми пасаранцами. Вот Костик ей понравился. Она даже пробовала чуть-чуть пособлазнить его, но все старания шестидесятилетней увядшей феи разбились о неопытность и юность нового участкового.

Не приносила популярности Савской и ее мерзкая по характеру французская болонка Мальвина. Мало того, что эта гадость страдала клептоманией и волокла к себе под крыльцо все, что не было приколочено к земле пятидюймовыми гвоздями, но она еще и позволяла себе нападать на тихих и незлобливых но-пасаранских мужиков и кобелей.

Да и настоящего в имени актрисы было только отчество. В паспорте она была записана не как Ариадна Федоровна Савская, а как тривиальная Зинаида Федоровна Петухова.

Бусы являлись частной собственностью, и, можно сказать, собственноручной эксклюзивной поделкой Ариадны Федоровны. Это Костя мог подтвердить даже под присягой.

Вытащить из козла проглоченные бусы Комарову не удалось. Он решил отрезать ту часть, которая волочилась по земле, а потом, спустя время, необходимое для пищеварения, добыть и остальные. Несъеденная часть бус оказалась длиной три метра двадцать четыре сантиметра.

Мухтар, наконец-то, перестал дуться на то, что Комаров не дал ему до конца насладиться трапезой и позволил спрятать за ошейник записку.

– Вперед, Мухтар, – скомандовал Костя, – отнеси записку в ФАП, фельдшеру.

Мухтар немного подумал, наклонил голову и вопросительно уставился на хозяина.

– Ты что, не понимаешь? Ну вперед, иди, беги, понял?

В глазах козла появилось слегка осмысленное выражение.

– Молодец, понял, – обрадовался Костя, – а теперь запоминай, куда: в фельдшерско-акушерский пункт, к фельдшеру. Он прочитает записку и позвонит в райцентр. Или сам приедет на «Скорой». Понял? Ну ФАП, больные там лежат всякие, стонут.

Костя изобразил, как стонут больные в ФАПе. Нижняя челюсть Мухтара немного отвисла, брови, вернее, то место, где эти брови должны быть у человека, приподнялись, а глаза приняли сострадательное выражение.

– Ме-е-е-е? – с жалобной интонацией повторил он стон хозяина.

– Молодец, понял, беги.

Козел вздохнул, лизнул Костину ногу и прижался к нему всем своим теплым, лохматым телом.

– Вот бестолковый! Да не надо меня жалеть! У меня ничего не болит! Это у больных болит! В больнице, где Калерия работает! Козел немного отстранился и опять наклонил голову набок. Вся его поза словно говорила: «Продолжай, хозяин, я весь – внимание».

– Калерия, Калерия, отнеси записку Калерии, – догадался наконец Костя.

Он совсем забыл, что у Мухтара и медсестры из ФАПа особые отношения.

Мухтар резко мотнул головой, отчего его борода весело взбрыкнула, повернулся и резвым галопом поскакал в сторону села. Комаров проводил его долгим взглядом и успокоился

только тогда, когда пыль, поднятая напарником, немного улеглась. До прибытия машины было время, и Костя решил пока выстроить в голове логическую цепочку событий.

– Итак, если погибший – Пенкин, то его подруга, должно

быть, Савская. Это уже хорошо. Хотя и плохо. Савская – дама не дружащая с логикой и здравым смыслом. Для того, чтобы создать себе рекламу, она способна на все. Даже на признание себя виновной в убийстве. Но способна ли она на убийство?

Кто же ее знает! Чужая душа – потемки.

Костя вспомнил, сколько драгоценного времени отняла у него в прошлый раз Савская. Чтобы подогреть к себе интерес односельчан и самого участкового, она призналась в несовершенном убийстве и два дня сидела в КПЗ, распевая песни из репертуара уголовников и раскобывая себе ссадины, якобы, полученные при допросе. Вполне возможно, что и сейчас она взялась за старое.

А с другой стороны, в прошлый раз Савская сама прибежала к Комарову и попросилась посидеть в обезьяннике, хотя улики против нее не было. А теперь не приходит, хотя улики есть. То есть поведение ее идет по другой схеме. Ладно. Сейчас это вопрос решить невозможно. Сразу после прибытия машины надо идти к ней.

Комаров поморщился. Каждая встреча с Савской и ее вздорной собачкой стоила ему солидных пробоин в ауре. Почти всегда эти встречи заканчивались мучительной головной болью, неприятным кислым привкусом во рту и нежеланием видеть всех особ женского пола, кроме одной. Он вспомнил о Василисе. Почти неделю не видел Костя эту тоненькую, но сильную девочку, в которой самым удивительным образом сочетались детскость и взрослая обстоятельность, наивность и ответственность за все, чему посчастливилось находиться в поле ее влияния.

Приятные думы грубо нарушил вполне приземленный и реальный вой сирены милицкого УАЗика. Костя прищурился от солнца: по дороге стрелой мчался Мухтар. За ним, вульгарно виляя задом на кочках, медленно ползла машина. Вот она притормозила около Комарова – из нее вышел Ведерко и молоденький сержант-водитель. Громко хлопнув дверцей, спрыгнула крепкая, словно столько что сбита высокоскоростным миксером девушка. Она подбежала к Комарову:

– Как ты? – спросила девушка Костю, заглядывая ему прямо в глаза, – тебе не было страшно одному? Я быстро приехала?

Это была Калерия Белокурова, медсестра из ФАПа. Калерия совершенно не подходила под стандарт типичной старой девы. Нетипичность ее состояла в том, что она публично не страдала от своей жизненной неустроенности и до сих пор не была обделена вниманием сильной половины мира сего. Калерия была действительно хороша собой – светлую длинную косу трудно было обхватить одной рукой, плоский живот, высокая грудь и сильные ноги просто кричали о нерастраченной, находящейся в самом расцвете женской силе. Как только девушке исполнилось восемнадцать, около ее дома выстроились колонны сватов, но Калерия мягко и деликатно выпроваживала делегатов. Она не хотела идти замуж без любви.

Ждать пришлось долго. Уже дети ее одноклассниц и подруг пошли в школу. А ОН все не появлялся. ОН, который осмелился бы прижать сильным, не терпящим возражений руками девушку к своей груди, а потом мягко, но властно взять в руки мощное сердце Калерии и легонько сжать его так, чтобы оно тихо екнуло и наполнило тело и голову сладкой невесомостью. Калерии был нужен только такой.

Когда в Но-Пасаране появился Костя, Калерия не обратила на него особого внимания. Ну, симпатичный мальчишка. Смешной, немного чудоковатый, не-по деревенски суетливый. Но когда ее дурная мамаша решила во что бы то ни стало заполучить нового участкового в зятя, а тот сумел отбиться, Калерии стало любопытно: что же представляет из себя этот малыш, сумевший противостоять ее настырной и крикливой мамаше?

Постепенно она разглядела в этом мальчике личность и взяла его под свою опеку. Она так мощно ухаживала за Костиком, что Но-Пасаран мгновенно сделал выводы: каменное сердце неприступной Калерии растаяло. Но надеждам сельчан не суждено было сбыться: при всем своей уважении к девушке, Комаров так и не смог преодолеть свой страх перед ее атлетической силой и африканскими эмоциями. Поэтому Калерия осталась терпеливым и порой слегка назойливым телохранителем Комарова. И Костя знал, что что бы с ним не произошло, единственный, кто одолеет ради него огонь и воду, сплетни и выговора начальства – это Калерия Белокурова. Верный и бескорыстный Санчо Панса российской милиции.

* * *

Ведерко с Костиной помощью осмотрел место происшествия, похлопал Комарова по плечу, пожаловался на безбожное изобилие работы и выразил надежду, что Костя и в этот раз не ударит в грязь лицом и активно поможет ему в работе. Не уточнялось, что помощь эта выражалась в полном взваливании на неопытные Костины плечи всего груза расследования. Это и так было ясно. Начальство на то и существует, чтобы отдавать указания и пожинать лавры.

Костя отказался ехать с машиной. Он давно заприметил в себе какую-то связь между мозгом и ногами. Когда ноги работали, мозг соображал гораздо лучше. А если у него появлялась возможность высказывать свои соображения вслух, то это было еще лучше. До села было минут пятнадцать ходьбы, за это время Костя мог немного поразмышлять. К тому же он решил зайти по горячим следам к Ариадне Савской и хозяину сенника – Семену Семеновичу Куркулеву. То, что Куркулев был отцом Василисы, несколько подогревало это желание.

Первым на выходе из села и стоял дом Куркулева, или Бирюка-на-окраине, как еще его звали в Но-Пасаране. Когда Комаров пытался нанести ему визит в первый раз, он долго искал калитку в хитросплетении из кусков сетки-рабицы, трухлявых досок и колючей проволоки. Куркулевы не любили чужих и принимали все возможные меры для того, чтобы эти чужие не смогли проникнуть на их территорию. А чужими для Куркулевых были все люди, прописанные за пределами их дома.

Скрывать от посторонних глаз было что. Во дворе Куркулевых было много диковинок: на всех постройках хозяйственного назначения висели аккуратно наклеенные таблички с пояснениями, для чего, собственно, предназначались эти самые помещения. Если скромных знаний английского хозяев хватало, то надписи были сделаны на этом простом и всем понятном языке. Кто знает! А вдруг какому-нибудь пробегающему мимо американцу приспичит по нужде! Он вполне может постучаться в культурный дом Куркулевых и воспользоваться помещением с надписью «Whaterclose». И даже избрать себе кабинку по половому признаку – Семен Семенович специально для этого сделал два отделения туалета. И даже расщедриться и заплатить за посещение туалета валютой. А что? у них там ничего не делается бесплатно. Бирючиха сама это в сериале видела. Правда, мексиканском, а не американском, но какая разница? Что американцы, что мексиканцы – Вера Степановна не видела между ними никакого различия.

Еще одной достопримечательностью подворья Куркулевых был бассейн, который хозяин начал строить уже давно, но все не мог закончить. Уже была вырыта огромная яма, уже часть этой ямы была выложена цементом, не хватало только последнего, завершающего штриха – выложить дно голубой кафельной плиткой, как в городе, провести трубы, через которые вода бы вливалась и выливалась (как делать эти трубы было подробно растолковано в школьном задачнике за пятый класс), да расставить пальмы в кадках. Пальмы не несли в себе никакой технической нагрузки. Они были нужны только для красоты.

Так как бассейн строился несколько на отшибе, то в него постоянно пробирались местные жители и их скотина. Жители в нетрезвом состоянии и скотина в трезвом почему-то постоянно

падали в этот самый недостроенный бассейн, чего-нибудь себе ломали или просто ушибали и по этой причине грубо разговаривали с Бирюком. Бирюк их за это не любил, вытаскивал и бил.

Супруга его была, что говорится, не в себе. По материнской линии в их семье наблюдались проблемы с головой. Брат Веры Степановны вообще работал за сельского дурачка и прозывался Колей-Болеро, а сама Вера Степановна, хоть и считалась официально нормальной, совершенно была помешана на сериалах. Она сутками возлежала перед телевизором в шелковом халате и с маской из голубой глины на лице. Как пользоваться глиной она не разобрала в инструкции, поэтому просто отдала пакетик с сухой косметической глиной своим сыновьям-погодкам и попросила слепить из нее что-то наподобие карнавальной маски. Братья с радостью воспользовались возможностью насолить мамаше, высыпали глину в «Whaterclose» и на сэкономленные от сигарет деньги купили маску монстра из ужастика.

Наивная Бирючиха не обратила внимания на такие мелочи, как наружный вид маски и редко вылазила из резинового монстра, считая, что с каждым часом лежания перед телевизором в маске вампира она становится моложе и красивее.

Сынки сначала хихикали, муж ругался, Василиса пыталась выкинуть маску, а потом все привыкли. И даже пугались, когда мама ее снимала.

Василиса вообще легко несла свой крест. Она занималась хозяйством, готовила, помогала братьям с уроками – и все это так легко, весело, что никому просто не приходило в голову, что она взвалила на себя ношу, непосильную для пятнадцатилетней девчонки. Никому, кроме, пожалуй, участкового Кости Комарова. Который тихо и пугливо восхищался ей.

Сегодня ему повезло. Бирюка дома не было, зато была Василиса. Она быстро выбежала на звонок, который Костя еще в прошлый раз нашел в зарослях колючей проволоки и хмеля, и провела участкового в дом. Мраморный дог Френд или Дружок, по-простому, вяло приоткрыл глаз и вильнул хвостом. Он уже знал Комарова и уважал его милицмейское звание.

Василиса слегка разочаровала Костю. Она сказала, что сенник действительно раньше принадлежал их семье, но с тех пор, как отец огородил всю усадьбу забором, он построил новый сенник – уже на территории усадьбы. Сено на старом сеннике валяется уже несколько лет, оно практически негодно для питания скотины, поэтому отец его бросил без особой жалости. Костя верил девушке на все сто процентов: если она говорит, что нога членов их семьи уже два года не ступала на пол сенника, значит, так и есть.

Повода задержаться в доме Куркулевых больше не было, а уходить не хотелось. Все встречи Комарова и Василисы проходили в настолько официальной обстановке, что с увеличением частоты этих встреч они не сближались, как это обычно бывает, а отдалялись. А Косте очень хотелось найти друга в этой девчонке. Поговорить о дрессировке собак, погонять мяч, помолчать. Но Василиса, всегда сохраняя ровные, теплые отношения с новым участковым, похоже, совсем не рвалась стать его другом.

Костя понимал, что пора уходить, но вот так просто встать и уйти... Это было, в конце концов, просто неудобно. И он решился.

– Как вы относитесь к собакам? – набрав в легкие побольше воздуха, четко, по-строевому, выпалил он.

– Дружок что-то натворил? – насторожилась девушка.

– Нет, я не в этом смысле. Просто я хотел бы знать, не возникало ли у вас когда-нибудь желания сходить на собачью площадку?

Костя так хотел поговорить с девушкой о дрессуре! Кто осмелится обвинить его в том, что он не успел узнать: «собачей площадкой» в Но-Пасаране называют скотомогильник, расположенный недалеко от совхоза?

– Если вы подозреваете Дружка в том, что он задрал чью-то козу, то вы ошибаетесь. Он только на вид такой грозный, а в душе – сущий ягненок. Доги очень умные собаки. Они никогда не нападут, если не чувствуют угрозы для жизни. А после встречи с Мальвинкой Дружок

вообще не выходит за ворота. Это чудовище порвало ему ухо и чуть не размахрило кончик хвоста в метелку. Вы же понимаете, он мог убить ее одной левой. Но не стал – это ниже его достоинства.

На протяжении ее монолога Комаров несколько раз открывал рот, чтобы прервать ее. Она подумала, что он обвиняет в какой-то гадости ее собаку! Но каждый раз Василиса предусмотрительно поднимала руку, отчего Костя закрывал рот.

– Да не трогаю я вашего Френда, – наконец вставил он слово, – просто я хотел, чтобы вы поделились своими методами дрессировки. Мой Мухтар, конечно, полезная скотина, но несколько неорганизованная. А Дружок ваш – просто находка. Вежливый, послушный. Как у вас это получается?

– Никак, – пожала плечами Василиса, – у меня нет времени на братьев, а не то, что на собаку. Просто доги вообще дисциплинированные животные, в отличии от козлов. Так что моей заслуги тут нет.

Она немного помолчала, внимательно рассматривая Костино поникшее лицо. Потом улыбнулась:

– А вот вы многому могли бы меня научить.

– Как так? – оживился Комаров.

– Если вы из бесконтрольного козла смогли сделать друга человека, то легко справитесь и с мальчишками. Я совсем замучилась с братьями, подскажите, что вы делаете, когда Мухтар делает не так, как надо, а совсем наоборот?

– Тащу за хвост и не даю сигарет, – с готовностью ответил Костя.

И только тут поняв, какой странный совет для воспитания подрастающего поколения дал девушке, смутился:

– Насчет мальчишек я не знаю. Мальчишек я еще не воспитывал.

Глава 4

Кое что о методах наблюдения за сириусом

Савской явно не было дома. За воротами бесновалась

Мальвинка, звонок не работал. Костя для верности со всей своей молодецкой удали попи-
нал в калитку, два раза коротко гаркнул: «Ариадна Федоровна, на выход!», потом, когда убе-
дился, что хозяйки нет, тихонечко помяукал, чем ввел в истерический обморок Мальвинку и
перемахнул через забор.

Во дворе была трава, а на этой траве лежала на спинке хорошенькая нечесанная болонка.
«Не околела? – мелькнуло в голове у Кости, – да вроде нет. Дышит. А это еще что?» Взгляд его
упал на белый, высушенный ветрами и солнцем череп, висевший на гвоздике, вбитом в стену
дома. Череп болтался на веревочке с вкраплениями люрекса и мрачно покачивался на ветру.
Принадлежал он при жизни, судя по одинокому, закрученному рогу, барану. А после жизни,
судя по всему, служил мрачной игрушкой для чудовища в голубой болонистой шкуре.

Владелица черепа могла вот-вот прийти в себя, поэтому Костя открыл калитку и впустил
Мухтара. Он должен был обеспечивать его прикрытие со спины. Козел остался стоять во дворе,
выставив рога в направлении бесчувственной собачки, а Костя открыл окошко, выходящее во
двор, и несанкционировано проник в дом.

В доме, как и в прошлый раз, вязкой стеной стоял густой, удушающий запах.

«Как в фильмах ужасов», – в который раз мелькнуло в голове Комарова.

Так же, как и в прошлый раз, в этом воздухе увязли махровые, почти зеленые пылинки.
Как и в прошлый раз, зеркала, повешенные по стенам в безбожном количестве, создавали
впечатление присутствия в комнате множества неведомых живых существ.

Темнота, полноправно царившая в комнате, не давала Комарову провести добросовест-
ный осмотр этой самой комнаты. Савская использовала в дизайне элементы нагромождения
несочетающихся между собой предметов, беспорядочно стоящих ширм, не по-делу висящих
драпировок. Среди всего этого хлама, по Костиным расчетам, вполне могли прятаться около
пяти больших людей или девяти маленьких.

Комаров попытался раздвинуть шторы, но шторы на окнах прикрывали не чистые, про-
зрачные стекла, а стекла, заклеенные старыми обоями с жуткими зловещими махаонами.

Выключатель находился там, где ему и положено – возле дверного косяка. Костя нажал на
черную клавишу – никакого результата. Он несколько раз пощелкал клавишей выключателя –
свет не включался. Тогда Комаров применил национальный русский приемчик – с молодецкой
удалью шлепнул по выключателю.

Русские люди вообще на «ты» с техникой. Они принимают ее помощь как и положено – с
чувством собственного достоинства рабовладельца. Есть, конечно, редкие экземпляры, пере-
путавшие жизненные ценности и сами ставшие рабами техники, но такие дремучие типы чаще
встречаются в городе, чем в глубинке. В городе вообще больше психически и морально испор-
ченных людей. Что поделать, экология! Так вот, нормальные люди издревле считают – если
техника взбунтовалась, значит ее надо хорошенько проучить. Естественно, бесполезно читать
нотации и грозить ей полетом с N-ного этажа. Проще, без предупреждения, вдарить кулаком по
наиболее удобному месту и ждать результата. И ведь помогает! Закапризничавшие телевизоры
начинают показывать концерты и сериалы, компьютеры подхалимски подмигивают экраном и
выдают нужную информацию, пылесосы с подобострастным ревом пожирают мелкий мусор и
пылевых клещиков.

Не так оптимистично все обстояло в доме Савской. После Костиного хлопка свет не заго-
релся, а выключатель вообще отвалился от стены.

– Мистика, – прошептал Комаров.

На месте, где пару секунд назад был находился квадрат выключателя, сейчас ничего не было. То есть совсем ничего! Костя хорошо разбирался в электричестве, он знал, что за выключателем должна быть дырка, а в этой дырке – провода и железки. Здесь же не было ни проводов, ни дырки, ни железок. Только темное пятно.

Комаров, преодолевая суеверный страх, поковырял ногтем это пятно. Пятно было жесткое и заскорузлое. Похоже на клей. Выключатель был приклеен к стене! Что, значит у Савской и проводки в доме нет?

Бедная Ариадна Федоровна! Несмотря на то, что Костины чувства к ней больше были похожи на отвращение, чем на жалость, но в данный момент она была достойна того, чтобы ее пожалели. Проводки нет – раз, влипла в грязную историю – два, старая и некрасивая – три. Бедная Ариадна Федоровна!

Несмотря на вспыхнувшую острую жалость к подозреваемой,

Костя продолжил осмотр. Для этого ему пришлось зажечь несколько расплывшихся свечей, расставленных во всех доступных углах комнаты. Язвительные языки пламени дружно заплясал на свечных огарках. Они коптили, издавали громкое змеиное шипение и треск, извивались, пытаясь достать непрошенного гостя своими остренькими жалами.

В комнате стало светлее, но не веселее. Если раньше Комарова вводили в заблуждение только его собственные отражения в зеркалах, то теперь к этим отражениям прибавились шныряющие по углам тени. Костю передернуло. Он быстро, набравшись воли, обошел комнату, проверил шкаф, заглянул под кровать, поворошил горы барахла, наваленные в разных углах. Савской, естественно, не было. Были, правда, следы ее пребывания, но это объяснялось тем, что Ариадна Федоровна здесь, все-таки, совсем недавно жила.

Зато Костя нашел нечто не менее важное, чем сама экс-актриса. То, что она не страдала повышенной чистоплотностью, было ясно. Но чтобы в доме женщины на кухонном столе лежали недоеденные продукты, изрядно испорченные жарой и затхлостью! Как улики, Костя прихватил сухой, замаслившийся кусок сыра с четкими отпечатками зубов, корочку хлеба с буйной порослью серо-зеленой плесени (он надеялся, что эксперт из райцентра сможет определить приблизительный возраст вонючей растительности), чашку с недопитым и уже зажелерировавшимся кофе с молоком. На чашке вполне могли быть отпечатки пальцев, а в кофе – отравляющие или снотворные вещества. Вообще создавалось впечатление, что Савскую довольно внезапно оторвали от трапезы. Зная ее зверский аппетит, Костя не мог представить, чтобы она не доела сыр. Это тоже была маленькая, но ниточка.

Итак, второй этап расследования был пройден. Савская исчезла, а это что-нибудь, да значило. На какое-то мгновение в голове Комарова мелькнула черная мысль: а что, если ее давно нет на этом свете? Если и она лежит где-нибудь под толщей сена с увядшим букетом в увядших руках? Что тогда делать с Мальвинкой? Костя, как честный человек и как представитель власти просто обязан будет позаботиться о ее судьбе!

– Отдам в дом престарелых, – вслух решил он, – пусть старушек веселит.

Костя представил, как дом престарелых «Улыбка», подобрав длинные подолы, в полном составе улепетывает от скверной болонки и улыбнулся. Нет. Савская просто обязана жить. Кроме нее никто не в состоянии держать в узде этого дикого зверя.

Дикий зверь, словно услышав мысли участкового, подал голос. Костя задул свечи и вышел во двор. Казалось, Мухтар находился на последней стадии изнеможения. Мальвинка была ловкая и подвижная, как Джеки Чан, и все пыталась достать своими маленькими, но незнакомыми с кариесом зубками незащищенную часть тела козла. Мухтар оборонялся как мог – он крутился на месте и на каждый наскок болонки подставлял свои длинные, нечувствительные к физической боли рога. Но Мальвинка была легче и выносливее. И если бы Костя не подоспел вовремя, еще неизвестно, чем закончилось бы единоборство.

Внимание болонки на мгновение переключилось на Костю, и этого мгновения вполне хватило Мухтару для решающего удара. Он аккуратно, чтобы не покалечить, поддел рогами пушистый серо-голубой зад болонки и откинул ее в сторону. Костя воспользовался паузой, которая понадобилась Мальвине для того, чтобы прийти в себя, выскочил за калитку, пропустил Мухтара и закрыл дверь. Яростный визг француженки сигнализировал о том, что жизнь и здоровье ее не пострадали. Комаров удовлетворенно кивнул головой и отошел от калитки.

– Надо бы ей поесть принести, – решил он, – а то совсем озверееет без хозяйки.

* * *

Близился вечер. Костя только что приехал из Труженника – возил Фокина на опознание трупа. Толик мужественно узнал бывшего товарища. Костя заметил, как тот весь скривился и постарался незаметно вытереть заплывшие соленой влагой глаза. Районный эксперт подтвердил, что Пенкин умер не своей смертью. Смерть явилась результатом асфиксии. Следов удушения на шее обнаружено тоже не было, скорее всего, Евгений был задушен мягким большим предметом, предположительно, подушкой. Той самой, которую нашел Костя на сеновале. Хорошо, что он догадался прихватить ее в качестве улики!

Комаров описал Толику Савскую, и тот подтвердил, что дама, захватившая его друга, по многим признакам была похожа на экс-актрису. Значит, задача номер один – найти Ариадну Федоровну.

«Наверное, опять придется следить за Мальвинкой», – подосадовал Костя. Как-то раз болонка уже вывела его к завершению одного из этапов расследования, и Комаров решил воспользоваться отработанным приемом еще раз.

Но с другой стороны, необходимо было проследить и за столовой! Ведь продукты пропадали именно ночью, значит, ночь – самое плодотворное время для раскрытия и этого преступления.

То, что в совхозе произошло крупное ЧП, не означало, что можно было с чистой совестью забросить все текущие дела и спокойно заниматься только расследованием убийства. Заявление о кражах в столовой лежало у Комарова в столе, и забирать его никто не собирался. Да и за американцами необходимо было проследить. Мало ли чего, повздорят с местными жителями или пропадут у них вещи какие – лишняя работа. Виктор Августинovich с первого курса вбивал в головы юных курсантов:

– Главное в вашей работе, сынки, это недопущение совершения преступлений! В каждом человеке сидит гадина – гадина соблазна украсть, убить, сшельмовать. Проще задушить гадину соблазна в самом зародыше, чем потом изловить ее носителя и вытрясти из него эту гадину. Поэтому главное в нашей работе что? Правильно, Комаров, про-фи-лак-ти-ка! Повторим хором!

Позже каждое занятие начиналось со скандирования этого волшебного слова. Слово «профилактика» стало чем-то вроде ежеутренней молитвы.

Короче говоря, в сегодняшнюю ночь Комарову предстояло раздвоиться. Один из Комаровых должен был лежать в кустах возле «Геркулеса», другой – под забором дачи Савской. Проанализировав накопленный опыт, Костя вспомнил, что Мальвинка предпочитала ходить на дело на заре, когда первые лучи рассветного солнца уже собираются золотить верхушки деревьев.

Мальвинка была талантливым вором, она знала, что в это время людей сковывает особенно сладкий сон. «Геркулесовый» вор, судя по дедуктивным выводам, был новичком. Он вполне мог не знать о самом удобном времени для воровства. О том, что похититель еды новичок, говорило то, что раньше в Но-Пасаране не практиковались кражи с таким почерком.

Значит, необходимо было поделить ночь. Первую половину провести возле столовой, а вторую – возле дачи Савской. Другого выхода не было.

Как всегда, предстояло запастись бутербродами. Когда Костя первый раз лежал в длительной засаде, он дал страшную клятву, что отныне и во веки веков ноги его не будет в засаде без свертка с бутербродами. От голода он начинал мерзнуть и засыпать, а спать в засаде – последнее дело.

– Анн Васильн, – заглянул он к хозяйке, – у вас хлеба не найдется? Я купить забыл, а мне много надо.

– Да что ж хлеба? – всплеснула руками Анна Васильевна, – я тебе пирогов уже напекла. Не дело в засаде хлебушком питаться, надо чего посытнее, да повкуснее. Бери, есть с капустом, есть с мясом, сладкие есть – с щавелем. Каких побольше положить?

– Анна Васильевна! – чуть не со слезами воскликнул Комаров, – кто вам сказал, что я собираюсь в засаду?

– Да сама догадалась, не дура какая, – скорбно поджала губы Анна Васильевна. – Столько преступлений на совершалось, а ты будешь дома, в кровати дрыхнуть? Недооцениваешь ты женский пол! Мы прозорливее любого комиссара Рекса. Вот взял бы какую в помощницы, сам бы увидел, как дело пошло бы.

– Анн Васильн, – вздохнул Комаров, – вы только никому не говорите о своих умозаклечениях. А то все дело мне испортите.

– Век воли не видать, – по пионерски салютнула Анна Васильевна, – или как там у вас, в милициях, клянутся?

* * *

Анна Васильевна сдержала слово. По крайней мере, возле «Геркулеса» не маячили толпы сочувствующих и любопытствующих. Костя преспокойно выбрал заросли лебеды пораскидистее, немного потоптался на месте, чтобы замаять особо колючие и жесткие стебли травы и лег.

Нет, зря он первое время сетовал на то, что следить за подозреваемым в селе неудобно. Где бы еще в городе он нашел такие восхитительные, самой природой созданные площадки для засады!

Следить Косте нравилось. Погода была словно создана для долгого и неподвижного лежания на одном месте. Дневная жара уже спала, а до ночной прохлады было еще далеко. Рядом мирно прикорнул верный Мухтар, положив передние лапы на сверток с пирожками. Фляжка с лимонадом приятно холодила бедро даже через джинсы. Единственное, что немного смущало Комарова, это сомнение в точности расчетов. Кто знает, что придет в голову Мальвинке, и когда именно она выйдет из дома! В данном случае гораздо важнее было проследить именно за болонкой, а не за «Геркулесовым» вором. Оба дела требовали немедленного расследования, но ставить на одну чашу весов убийство и кражу продуктов было неразумно. И все-таки дедукция подсказывала Комарову, что голодный воришка должен заняться своим делом в первой половине ночи. А Мальвинка своим – во второй. Каким таким своим делом должна заняться болонка, Костя еще не догадывался. Но она просто обязана была вывести его к хозяйке.

Увы! Дедукция в этот раз подвела Комарова. Мальвинка не стала дожидаться тех самых первых лучей рассветного солнца, которые уже собираются золотить верхушки деревьев. Мальвинка проползла через одной ей ведомый лаз, ведущий на свободу, гораздо раньше. Дедукция подвела Комарова. Дедукция, но не интуиция.

* * *

Народ на селе утихомиривается рано. Странно, но даже те, кому не надо подниматься вместе с солнцем, по заложенной предками в ДНК привычке уже с середины ночи начинают прислушиваться к петушиным часам. У петухов все четко, как в провинциальном театре. Они совершенны, как все, что придумала и воплотила в жизнь природа. По крайней мере, человеку до сих пор не пришла в голову идея создания гуманного будильника.

Даже современные будильники бездумно и холодно начинают вопить минута в минуту, нисколько не задумываясь о том, сколько страданий приносят своему хозяину. Петухи же не уподобляются холодному и безжалостному будильнику, они будят своего властелина умно и мягко. Первое «ку-ка-реку» звучит в ту минуту, когда спящий находится на грани сна и действительности. Краем сознания уловив сигнал о скорой пробудке, человек скоренько досматривает сладкий сон или смело прогоняет кошмар. Второй сигнал петуха уже более требователен, смел и конкретен. Он легко встряхивает того, кому предназначен и заставляет сознание окончательно вернуться в тело. Сны заканчиваются «хеппи эндом», а их место занимают уже вполне реальные проблемы, которые сортируются в зависимости от пола: чего сготовить на завтрак, чего наврать жене по поводу вчерашнего, как слямзить у мужа (жены) лишний полтинник на перманент (поправку здоровья).

И вот в этот момент звучит третий сигнал: ликующий, откровенно-хозяйственный, даже какой-то языческий. К моменту звучания «третьего звонка» просыпается самый ленивый. Просыпается окончательно и бесповоротно. Орать петухи начинают рано, они же дают отбой. По меркам городского человека, тоже рано. Мудрые сельчане, еще не порвавшие окончательно связь с природой, беззаветно следуют этим природным часам. Лишь безрассудная и революционная молодежь, которая во все времена считала себя умнее и прогрессивнее «предков», не следует этим законам и гуляет все летние ночи напролет. До поры, до времени.

Комаров терпеливо ждал. Первая фаза «засыпания» деревни закончилась быстро – пожилой народ встретил коров и больше уже не выходил за калитки. Вторая фаза была несколько неожиданна для Комарова – американцы решили насладиться экзотикой ночи российской глубинки и вышли гулять. Гуляли они неинтересно. Прошли несколько раз по главной улице туда-обратно – и все. По привычке всех зарубежных гостей, американцы громко орали, бурно выражали эмоции по поводу попадания в мины, оставленные коровами-патриотками, часто падали в темноте и шумно веселились по этому поводу.

Какой-то полиглот попытался затянуть «Подмосковные вечера», но запутался в словах, мелодии, и конфузливо смолк.

Скоро американцам надоело слоняться по короткой улице, попадание в коровьи лепешки уже не вызывало у них такого восторга, как вначале, а отсутствие уличного освещения, соседствующее с избытком выбоин и колдобин, утомило некоторых настолько, что они запросились домой.

Третья фаза была самая длинная – на улицу высыпала местная молодежь. И откуда только брали силы эти девчонки и мальчишки! Костя совершенно точно знал, что практически все они работают на нивах России, мальчишки – на комбайнах, девчонки – на элеваторе или в гусятнике. Работа на этих участках начинается рано, не позже семи утра, Костя и надеялся только на это! Разумные дети уже давно бы разошлись по домам для здорового сна, а эти... Костя начал беспокоиться: скоро ночь должна была пойти на перелом, а на скамейке возле столовой народа было больше, чем днем. Не сообразил! «Геркулес» – в центре совхоза. Теперь здесь до утра будет гомон, довольный визг, шутовые шлепки. Надо было идти к дому Савской.

Легко это понять – но попробуй воплотить в жизнь! Выползти из кустов незамеченным было довольно проблематично. И как бы это выглядело? Костя представил картинку: на ничего

не подозревающих подростков из кустов выползает нечто непонятное, черное. Часть подростков – преимущественно женского пола – громко разбегается, часть – ломает скамейку и ее частями молотит по этому темному и неопознанному. Прозрение приходит к этой части, когда молодая, неопытная душа участкового уже покидает его тело.

Суд. В огромной, спаянной из нескольких, клетке на скамьях подсудимых, для массовости поставленных амфитеатром, сидят все подростки совхоза имени Но-Пасарана. В зале суда бьются в причитаниях их рано постаревшие от горя матери в черных платках, всхлипывают вероломные девицы, которые скоро забудут возлюбленных и выйдут замуж за парней из другого села.

Тюрьма. Молодые, неиспорченные но-пасаранцы постигают все адовы круги заключения. Проходят годы. В ничего не подозревающий Но-Пасаран в один день возвращаются все подростки. Они начинают мстить вероломным девицам, не дождавшимся их, и убивают всех мужей этих девиц. Сыновья убитых парней – уже тоже подростки – начинают мстить.

Финал – лужи крови и вдвое увеличенная армия на скамьях подсудимых.

Получается, что Комаров, прибывший в Но-Пасаран для того, чтобы искоренить здесь преступность, сам станет причиной гибели Но-Пасарана и многих окрестных сел! Нет, выполнять никак нельзя. Надо набраться выдержки и ждать, когда молодежь рассосется. А время можно занять тем, что клясть себя на чем свет стоит за недалекость.

Костины мысли вспугнул шум, прозвучавший недалеко от его кустов, и девичий писк:

– Да? А я не видела? Да ты дырки в ней глазами прожег! Так бы и выкорябывала глазаньки твои блудливые!

Костя узнал голос Маринки, юной поварихи из «Геркулеса» и насторожился. За угрозой последовало дело. Об этом свидетельствовало короткое мужское «ай» и звук нескольких глухих ударов.

– Дурила, всю щеку расцарапала, пацаны смеяться будут, – в голосе расцарапанного, вопреки предположению Кости, совсем не было злости или обиды.

– Жалко, до глаз не добралась, вон какой вымахал. Подрасту, тогда точно выцарапаю, – с оттенком обожания пригрозила девушка.

– Если подрастешь, брошу, – уже откровенно смеялся парень, – ты мне такая больше нравишься: маленькая, но бойкая.

Опять же справляться с маленькой легче. Так-то я с тобой – одной левой, а подрастешь – труднее будет.

– Ой ли одной левой? – провоцирующе хихикнула Маринка.

– Спорим?

– На что?

– На поцелуй, конечно!

– Ладно, – опрометчиво согласилась плутовка, – и чтобы на других девчонок больше никогда не пялился!

Шум, раздавшийся в зарослях, Комаров определил как звук борьбы. Он уже, было, собрался прийти хрупкой девушке на помощь, как она опять подала голос.

– Это нечестно! Я думала, что мы просто силами будем меряться, а ты целоваться полез! Я была неготова!

– А теперь готова?

– Почти!

Опять послышался уже начавший надоедать Комарову характерный шум.

– Проспорила, – томно всхлипнула девушка.

Костино терпение подходило к концу. Мало того, что эта дремучая парочка вообще занималась совершенно нелогичными глупостями, мало того, что просто мешала работать, так они еще и делали из него, участкового Но-Пасарана, какую-то бабку любопытную! Нет, надо встать

и честно признаться им, что он все слышал. Посоветовать, чтобы шли по домам. Костя даже придумал аргументы – родители волнуются, да и день завтра будний, трудовой, надо отдохнуть и выспаться. Избавил Костю от этой неприятной обязанности парень.

– Пошли в садик, – вовремя предложил он. – Там на веранде хорошая скамеечка есть, не помешает никто.

– А мне никто и не мешает, – нашла нужным немного поломаться Маринка, – и чего там, в садике, делать? Скучно.

– Я тебе Сириус покажу, – коварно предложил соблазнитель.

– Сириус? – Маринка помолчала. – Хочу Сириус! – решила она, – пошли в садик.

– Тихо, а то остальные увяжутся.

Парочка неслышно проскользнула вдоль стены.

– Отсюда Сириуса не видно, – донесся до Комарова торопливый шепот, – а вот из садика!

– Черт те что, – тихо выругался Комаров, – куда только смотрит клубное начальство! Нет, чтобы викторины какие проводить, или смотры...

Впрочем, недовольство быстро испарилось, как только он увидел, что не только Маринка со своим приятелем сочла нужным удалиться от общей компании. Пока он занимался прослушиванием бессодержательной для него, но полной глубокого смысла беседы двух юных влюбленных, вся большая компания растаяла. Видимо, здесь было так заведено. Сначала гуляли все вместе, а потом расплзались по своим укромным местам.

Костя глубоко вздохнул и посмотрел на часы. До полуночи, то есть до того часа, когда ему следовало сменить место наблюдения, оставалось полчаса. Комаров любил пунктуальность, поэтому он и решил долежать ровно до двенадцати ноль-ноль. Кстати, эти полчаса вполне можно было занять небольшим перекусом, чем Костя и поспешил заняться.

Без двух минут двенадцать Комаров сложил оставшиеся пирожки в пакет, закрутил фляжку с лимонадом и шепнул на ухо козлу:

– Мухтар, подъем!

Обычно дисциплинированный Мухтар повел длинным, волосатым ухом, пронзительно глянул прямо Косте в глаза и отвернулся.

– В чем дело? – строго шепнул Костя, – я сказал – подъем!

Во взгляде Мухтара мелькнуло что-то настолько оскорбительное, что кровь бросилась Косте в лицо. Мухтар всегда любил лежать в засадах и никогда еще не подводил Комарова. Они и познакомились так: Костя лежал в засаде, а Мухтар лег рядом. И вел себя достойно. Комаров уже собрался было встать и дернуть за ошейник, как это и делали со служебными собаками, но его спугнула группа теней, замаячившая на горизонте.

– Сейчас пройдут, я тебе покажу, кто из нас козел, – пригрозил Костя Мухтару и опустил голову.

Но тени и не собирались проходить мимо. Они дошли до двери «Геркулеса» и остановились. Звякнули ключи, язвительно-громко скрипнула дверь, маленькой трассирующей пулей юркнула в кусты недокуренная сигарета. «Геркулесовый» вор действовал не в одиночку! Здесь работала целая банда!

Глава 5

Темные люди или кухня народов мира

– Раз, два, три, четыре, пять, – считал Комаров.

«Геркулесовая» банда состояла из пяти человек. Грабитель был не один. Сразу надо было догадаться! По рассказам бригадира поварской бригады, продукты пропадали в несметном количестве, один человек вряд ли мог унести или съесть столько еды за один раз. Комаров нащупал «макарова». В одиночку захватить пять человек будет сложно. Значит, придется пугать пистолетом. И наручники одни. Необходимо выбрать самого опасного, а остальных – как обычно, подручными средствами: поводок Мухтара, ремень самого Комарова, шнурки от кроссовок.

Костя по-пластунски подполз к окошку и медленно-медленно приподнялся. Сначала он увидел огонек свечи. Огонек неровно плясал, мигал, почти гас и вспыхивал с новой силой. Костя прищурился: пламя свечи едва освещало неясные тени, они двигались вместе с пламенем, плясали, деформировались, разрастались до огромных размеров и тут же делались маленькими, словно карлики.

Костя переполз к двери, проник в темный коридор и спрятался за косяком приоткрытой двери.

– Тут, тут ищи, – донесся до него смутно-знакомый голос.

– Да нет тут, я носом чую. Не мешай.

На некоторое время разговор затих. Потом, видимо, кто-то из воров налетел в темноте на плиту или другую кухонную мебель и громко, жалобно выругался.

– Ты чего, сдурел? – гаркнул на него тот, что чуюл носом, – ты мне всю операцию испортил! Кто ж на таком деле матерится-то?

«Какой вор культурный, – с невольным уважением подумал Комаров, – даже в такой ответственный момент держит себя в руках и не позволяет распускать нервы товарищам. Надо будет учесть это на суде. Кстати, если следовать методам дедукции, то можно сразу сделать первый вывод – главарь – не деревенский. В Но-Пасаране мат является не то, чтобы нормой, но красочным элементом местного диалекта».

– Ну, все, – ныл тем временем главарь, – спугнули.

– Давайте еще попробуем, может он не слышал? – робко попросил провинившийся.

– Только молчать! – согласно рявкнул главарь.

Члены банды виртуозно выполнили команду главаря. Настолько виртуозно, что Комаров даже испугался – а вдруг воры выскочили другим ходом или через окно, а Комаров стоит тут, как дурак и сторожит неизвестно кого? Если бы не продолжавшее плясать пламя свечи, то он не выдержал бы и ворвался в столовую, чем и испортил все дело – брать грабителей необходимо было с поличными. Но горящая свеча сигнализировала: прожорливые воры здесь и сосредоточенно ищут еду, которую очень удачно в этот раз спрятали повара «Геркулеса». Комаров даже позлорадствовал в душе.

Наконец тишину прорезал тихий, но торжествующий возглас главаря:

– Нашел! Туточки!

Костя не стал больше ждать. Он тихо встал, нащупал рукой выключатель и с криком: «Стой, сдавайся, руки вверх!» включил свет. Вспыхнувшая лампочка явилась прекрасным элементом неожиданности для банды. Двадцать процентов членов потеряли сознание. Сорок – симитировали обморок: просто упали на пол и прикрыли голову руками. Еще двадцать процентов открыли рот, прикрыли глаза руками и мощно, трубно закричали. И только послед-

ние двадцать процентов оказали сопротивление – схватили гигантский, прямо-таки сиротский половник и заорали: «Чур меня, нечистая!»

Когда глаза членов банды немного восстановили свою зрительную функцию, поведение их несколько изменилось. Подавляющие шестьдесят процентов прекратили непоощряемое в учебниках криминалистики поведение и подняли руки вверх. И только те проценты, что лежали в обмороке и те, что закрыли глаза руками, продолжали саботаж Костиных требований. Когда удалось оторвать руки от глаз орущего и привести в себя потерявшего сознание, Костя построил удивительно послушных бандитов в шеренгу и хорошенько рассмотрел. Все, кроме главаря, были ему хорошо знакомы. Все они входили в состав поварской бригады «Геркулеса». Не было только Маринки – она, как и предполагал Комаров, рассматривала Сириус со скамейки веранды, что находилась в детском саду.

О главаре надо сказать отдельно. То, что он не работал в «Геркулесе», было ясно. И, скорее всего, он вообще нигде не работал. Дед был явно пенсионного возраста. По-своему он был даже красив. Густая борода была словно промелирована в модном салоне – иссиня-черные пряди органично переплетались в ней с голубовато-белыми, седыми. Такие же красивые пряди падали на высокий лоб, закрывали кустистые брови и мрачно поблескивающие угольно-черные глаза.

«Как у Мальвинки», – совершенно некстати пришло сравнение в голову Комарова. Он разъяснил задержанным их права, предъявил обвинение и строем повел в отделение. Связывать грабителей он не стал. Они вели себя смирно и не оказывали сопротивления, даже тот, что махал половником. Кстати, им оказался бригадир. Тот самый, маленький, с высоченным колпаком на голове. На дело он пошел без колпака.

Допрос Комаров решил не откладывать на завтра. Ночь перевалила за половину, Комаров еще хотел проследить за Мальвинкой, но на этот раз планы пришлось поменять. Одно преступление было практически раскрыто, показания необходимо было снимать по горячим следам, пока преступники растеряны и не успели сговориться между собой. Так учил Комарова Виктор Августинович, да и он сам понимал: камера предварительного заключения в отделении одна? Одна! Мало того, что содержание даже в течении одной ночи может нанести непоправимый моральный ущерб разнополым бандитам – это бы еще ничего, так им и надо, но главная опасность заключается в том, что за оставшуюся часть ночи они смогут сговориться и выстроить стройную и доказательную линию защиты! Основанную на лжи и круговой поруке, естественно. А то еще и передать весточку на свободу. Соучастникам.

Комаров, как мог, рассредоточил грабителей по разным углам отделения милиции, поставил в дверях в качестве охраны Мухтара и начал допрос. Начал он его грамотно, как учил наставник: с главаря. Даже если бы главарь не признался, можно было бы намекнуть рядовым членам банды, что он раскололся. По телевизионным детективам Комаров знал – такой приемчик действует практически безотказно. Правда, у него не было доказательств, что именно бородатый – главарь. Но в сыском деле, кроме холодных фактов, большое значение имеет интуиция. И вот эта самая интуиция просто кричала Костику: чужак – главарь.

Главарь оказался крепким орешком. На все Костины вопросы он угрюмо молчал и только злобно зыркал из-под разноцветных прядей волос. Промаявшись с ним час, Комаров решил изменить тактику и вызвал самую эмоциональную, как ему сперва показалось, грабительницу – Марию Степановну. Здесь его расчет оказался более точным: пожилая женщина уже успела порыдать, раскаяться и для пушшего эффекта даже бухнулась в ноги участковому.

– Как же вы могли, Мария Степановна, – совершенно искренне посетовал Комаров, – вы же солидная женщина, мать семейства. А еще так честно мне в глаза смотрели.

– Прости, батюшка, – затянула старую песню повариха, – бес попутал. Две ночи не спала, все думала, а как ты услышал про беду нашу – не стерпела. Дай, думаю, помогу участковому. И без нас у него проблем хватает. Вот и сговорила всех на это дело.

Комаров с недоверием посмотрел на заплаканную женщину: она что, хочет сказать, что специально подстроила налет на «Геркулес»? Знала, что Комаров будет сидеть в засаде и привела всю банду к нему в руки? С доказательствами? Как Шарапов?

– То есть вы хотите сказать, что специально все подстроили?

– Конечно, специально, не случайно же, – немного диковато посмотрела на него женщина.

– Спасибо, – совершенно искренне поблагодарил Комаров.

Он действительно вздохнул с облегчением. Дело с кражами в столовой тяжким грузом висело у него на шее и мешало полностью отдаться расследованию убийства.

– А почему же вы меня не предупредили заранее? А что, если бы в этот день я не отправился в засаду? Вы просто ограбили бы столовую и продолжали бы ее грабить, как ни в чем ни бывало? Было бы гораздо логичнее, если бы вы заранее предупредили меня о готовящемся налете. А то теперь это выглядит не совсем убедительно. Как будто вы раскаялись и прикрываетесь добрыми намерениями.

– Чего? – незатейливым вопросом ответила на его сетования Марья Степановна.

– Я говорю, что перед тем, как идти воровать еду, надо было предупредить меня. Вы что, детективов не смотрите?

– Так ты подумал...

Повариха не закончила фразу. Она резко согнулась наполовину, чему не воспрепятствовал даже шарообразный живот и четко, отдельно, совсем невесело запричитала:

– Ха-ха-ха-ха.

Отпричитавшись, она так же резко разогнулась. Grimаса смеха медленно стекла с ее лица и уступила место grimасе негодования.

– И ты, паршивец, решил, что это я продукты тырила? Вместе с коллегами? И совершенно спокойно мне это глаза говоришь?

Да я на тебя всех кобелей но-пасаранских натравлю. Да я на тебя такую порчу нашлю, что что ты вообще ничего решать больше не сможешь. Да я тебя...

Разъяренная женщина не смогла найти других слов и медленно двинулась в сторону участкового, подняв руки на уровень плеч и растопырив пальцы. Комаров как замороженный смотрел на эти шевелящиеся, сосискообразные пальцы. Он даже успел представить, как эти пальцы сплетаются на его худоватой шее. Или выворачивают из глазных впадин его глаза. Или вцепляются в волосы. Но ничего такого не произошло. Не дойдя до Комарова двух шагов, Марья Степановна опустила руки и тихо произнесла:

– Ну и дурак ты еще, участковый!

Дальнейшее дознание показало, что Комаров действительно слегка заблуждался по поводу целей, с которыми банда решила нагрянуть в столовую. Да и вообще это была не банда. А просто компания доброжелателей с языческим уклоном. А главарь – вовсе не главарь. А самый заурядный но-пасаранский колдун Ванька-Пензяк.

Днем, после того, как Комаров ушел из «Геркулеса», повара и не подумали успокаиваться. Бригада немного посоветовалась и решила действовать параллельно с участковым. Но действовать они решили несколько в другом ракурсе, а именно – прибегнуть к помощи колдуна. В Но-Пасаране традиционно доверяли неформалам гораздо больше, чем официальным органам.

К тому же неформал Ванька-Пензяк был не совсем неформалом. Все мужики в его роду приколдовывали – кто больше, кто меньше. А Пензяк пошел дальше. Как-то раз в его руки попала рекламная газетенка, где среди прочих скромно пристроилось объявление о наборе абитуриентов на курсы черной и белой магии. Дед, не долго думая, нагрузился деревенскими гостинцами и без приглашения завалился к городской племяннице – пожить на время учебы. Сначала он надеялся, что ему дадут общежитие, как и всем студентам, но надежды его не

оправдались. Да и курсы, вопреки его ожиданиям, велись не в местном университете, а на квартире у какой-то женщины с грязными волосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.